БОГОСЛОВСКИЕ ТРУДЫ, 29

К 1125-летию Новгорода

В. А. НИКИТИН (Москва)

СЛАВА И ЩИТ РУСИ*
(Новгород Великий в X—XV вв.)

VII. Расцвет Новгорода в XIV—XV вв.

1. За броней обороны

«Живем, Божьей óборонью...»
(Русская народная поговорка)

В начале XIV века Русь начала постепенно оправляться от катастрофических последствий монголо-татарского нашествия. Орды кочевников не смогли нанести Новгороду Великому такого сокрушительного удара, какой претерпели Владимиро-Суздальское и Рязанское княжества, Киев, южнорусские города Поднепровья.

Спасаясь от татарской неволи, крестьяне и ремесленники бежали из этих районов на новгородские земли, которые не подверглись оккупации.

В результате недавних археологических раскопок в Новгороде было открыто около 140 средневековых мастерских. Среди них мастерские замочников, кожевников, ювелиров, серебряников, литейщиков, токарей, бочаров, сапожников, гребенников, хлебников, пивоваров, ткачей, красильников, холщевников и др.[1] В Новгороде того времени было около 400—500 городских феодальных усадеб, каждая из которых занимала примерно 1200 квадратных метров.

В конце XIII — начале XIV в. на Новгородской земле развернулось довольно интенсивное строительство крепостей и различных оборонительных сооружений, особенно в пограничных районах. Оно было предпринято с целью противостоять шведской и немецкой агрессии с севера и северо-запада. При этом происходило наращивание и совершенствование камнеметной техники и огнестрельного оружия (см. 61). Непременной принадлежностью защитного вооружения продолжал оставаться щит — символ воинского долга, готовности защищать свою Родину. Интересно отметить, что новгородские щиты были самых различных форм и размеров: круглые, овальные, с заостренным нижним концом, плоские и выпуклые, большие и малые (49, с. 129). На месте прежних деревянных и земляных укреплений новгородцы и псковичи стали возводить каменные твердыни, гораздо лучше приспособленные для отражения вражеских штурмов. Вынужденное затишье градостроительства предшествующих десятилетий сменилось около 1300 года созданием городов-крепостей «на совершенно новых, преимущественно стратегически опасных направлениях» (103, с. 62). Так возникли крепости Копорье, Корела, Изборск, Яма, Порхов и другие.

«История возникновения пограничных новгородских крепостей, — подчеркивает Н. Г. Порфиридов, — убедительно свидетельствует о живой военной мысли, реальном понимании стратегической обстановки на западе и севере, умелом и своевременном укреплении плацдармов... Важно отметить, что возникавшие в разное время пограничные крепости в дальнейшем испытывали такую же эволюцию, как и оборонительные укрепления самого Новгорода — модернизировались и совершенствовались с успехами военной техники» (49, с. 119).

Существенной особенностью новгородского зодчества с конца XIII — начала XIV века явилась новая техника кладки — из волховской грубо отесанной известняковой плиты на растворе извести с песком, с применением булыги (валунов) и частично кирпича. В этой технике выстроены не только храмы Новгорода и его пригородов, но и различные крепостные сооружения — стены детинца, острог, Порховский кремль (1387) и др. Такая кладка давала весьма неровную поверхность. Это обстоятельство наложило оригинальный отпечаток на характер

---

* Окончание. Начало и продолжение: в «Богословских трудах», сб. 25 и сб. 26.

построек, «в которых отсутствует геометрическая четкость линий и форм, что придает новгородскому зодчеству той поры особую скульптурную пластичность» (117, с. 29).

В начале XIV века была произведена реконструкция новгородского Кремля: в 1302 и 1331 годах перестроены его стены. Из сопоставления двух летописных сообщений очевидно, что в 1302 году были сооружены каменные стены на западном, наиболее важном участке, обращенном к Софийской стороне, а в 1331 году — на остальном участке, обращенном к Волхову. Вскоре была предпринята и реконструкция наружного пояса укреплений, выразившаяся в увеличении ширины вала и замене деревянных башен (костров) и части стен каменными. По благословению архиепископа Новгородского Василия (1329—1352) реконструкция была начата в 1335 году посадником Феодором и тысяцким Остафеем.

Общая длина укреплений, опоясавших весь Новгород, превышала 11 км. Естественными границами этого оборонительного пояса были водные рубежи. До сих пор сохранился земляной вал, с внешней стороны которого был вырыт глубокий ров (128, с. 28).

Воспользовавшись общим ослаблением Руси в результате монголо-татарского нашествия, Швеция пыталась потеснить Новгород. В 1300 году под предводительством королевского наместника маршала Тюргильса Кнутсона шведское войско, приплывшее на 110 больших судах, высадилось при впадении реки Охты в Неву. Шведы возвели здесь каменную крепость, названную «Ландскрона» («Венец земли») — поскольку считали ее неприступной.

Весной 1301 года новгородская рать во главе с князем Андреем Александровичем (сыном великого князя святого Александра Невского) подошла к цитадели. 19 мая Ландскрона была взята штурмом, от нее не осталось камня на камне. Война продолжалась с переменным успехом. В 1311 и 1318 годах новгородцы, а в 1313 и 1317 годах шведы предпринимали морские походы на кораблях. Военные действия развернулись на территории нынешней Финляндии и на берегах Ладожского озера. При впадении реки Узервы в Ладожское озеро новгородцы основали новую крепость (впоследствии Кексгольм).

В 1322 году шведы предприняли попытку перейти в наступление и осадили крепость Корелу. Мужественная оборона новгородцев вынудила их снять осаду. Чтобы пресечь возможную новую агрессию, в 1323 году новгородская рать во главе с великим московским князем Юрием Даниловичем (внуком Александра Невского) выступила в поход на Выборг. Выборг устоял, но русским удалось соорудить сильную крепость Орешек (впоследствии Шлиссельбург, ныне — Петрокрепость) у истока Невы, на Ореховом острове.

Примерное равновесие сил привело к заключению мирного договора со Швецией в новопостроенной крепости в августе 1323 года. Ореховецкий договор определил границу между Новгородом и Швецией на Карельском перешейке и положил предел шведской экспансии.

Хотя шведы впоследствии не раз нарушали мир (например, в 1348 и 1411 годах), «больше ни пяди чужой земли им захватить не удалось — новгородско-шведская граница осталась нерушимой» (133, с. 117).

Военная история средневекового Новгорода позволяет заключить, что дореволюционные русские историки ошибались, говоря об отсутствии у России своего флота до Петра I[2]. Это довольно распространенная точка зрения дала основание английскому исследователю М. Митчелу, автору «Морской истории России», заявить: «Никогда до времени Петра Великого русский торговый флот не бороздил воды Балтики» (M. Mitchell. The Maritime History of Russia. 848 -1948. London, 1949, p. 315). Между тем, как убедительно доказали советские историки В. В. Мавродин и И. Э. Клейненберг, Новгород Великий задолго до образования централизованного Русского государства имел свой торговый и военный флот, бороздивший Балтийское море (см. 55 и 57).

Военно-морские предприятия новгородцев в начале XIV века, — отмечает В. В. Мавродин, — «говорят не об ослаблении, а наоборот, об усилении военно-морской мощи Новгорода» (55, с. 176).[3]

Во второй половине XIV века в Западной Европе получило распространение новое оружие — пушки. Первое достоверное известие об их применении относится к 1338 году. В 1370 году пушки поступают на вооружение Швеции, в 1374 году — Немецкого ордена, в 1378—1381 гг. — Венгрии, в 1382 году — Литвы, в следующем году — Польши и Чехии. «Употребление ствольного оружия на Руси, — отмечает современный исследователь, — почти совпало с первой волной его распространения в странах Центральной, Северной и Восточной Европы» (103, с. 78). Во всяком случае, около 1400 года в Новгороде, Пскове, Твери и Москве уже, несомненно, существовали артиллерийские арсеналы.

Рыцарь из Западной Европы Гильблер де Ланнуа, побывавший в Новгороде в 1413 году, писал: «Великий Новгород удивительно большой город... Этот город независим и имеет общинное правление. Здесь есть епископ, который представляет как бы их начальника... Все синьоры Новгорода Великого владеют 40 000 конницей и бесчисленною пехотою. Они часто воюют с соседями и особенно с рыцарями Лифляндии и выиграли много больших сражений» (42, с. 69). «Силен, славен, могуч, горд своею мощию был в это время Великий Новгород... смело ссорился с Литвою, крепко бился с ливонскими рыцарями, держал под рукою Псков, торговал

с Ганзою и был пристанищем гонимых князей из Литвы, из Руси и даже из Заморья» (*Николай Полевой.* Из романа «Клятва при Гробе Господнем». М., 1832).

«С легкой руки» видного ученого Б. Д. Грекова (см. 52 и 96) в советской исторической науке утвердилась идеализация прогрессивного характера государственной централизации. В рамках этой историософской концепции существование отдельных феодальных княжеств на Руси рассматривается как явление сугубо отрицательное. Между тем, как справедливо считает акад. Д. С. Лихачев, дело обстояло гораздо сложнее, в процессе феодального дробления были и свои положительные стороны... «Одна из положительных сторон Новгородской самостоятельности состояла в том, что Новгород явился благодаря такой самостоятельности важным центром обороны Русской земли, — он мог мобильно организовывать сопротивление агрессии и с востока, и с запада самостоятельными средствами» (135, с. 183).

«Широко легли родимые вольные поля,
Новгородская любимая Русская земля»...
А. А. Прокофьев («Новгород Великий»)

2. Миссионеры и землепроходцы

Еще в XII веке при святителе Нифонте, епископе Новгородском (1130—1156), новгородцы посылали священнослужителей для проповеди Евангелия соседям-язычникам. В ту пору новгородцы просветили светом веры Христовой соседние финские племена. Посланцы Новгорода утвердили православную веру на Вятской земле, где построили город Хлынов (впоследствии Вятка, ныне Киров) с храмом в честь Пресвятой Богородицы. В конце XII века новгородские поселенцы и миссионеры основали несколько монастырей на севере, на берегах Двины. В XIII веке, при новгородском князе Ярославе Всеволодовиче, были просвещены верой Христовой карелы. «Так осуществлялось апостольское призвание Новгородской Церкви. Бесконечные просторы Новгородской земли — от озера Ильмень до Балтийского и Белого морей — украсились множеством монастырей и скитов» (136, с. 264).

В XIV веке Новгород продолжил освоение северо-восточных земель Руси, прежде всего Обонежья, куда вела дорога по рекам Ладоге и Свири. На всем побережье Онежской губы появились новгородские поселения. Новгородские миссионеры, землепроходцы и промысловики пробрались и на Терский берег. В устье реки Колы, близ нынешнего Мурманска, возник основанный ими городок Кола.

Еще более привлекала Новгород богатая Двинская земля. К XIV веку по Северной Двине и ее притокам уже было немалое количество новгородских переселенцев. С середины XIV века новгородские бояре усилили освоение этого края, именуемого Заволочьем (поскольку находился «за волоком», к востоку от Белого моря). В 1342 году один из влиятельных новгородских бояр Лука Варфоломеич по своему собственному почину отправился на Двину с вооруженным отрядом. Он поставил здесь городок Орлец (недалеко от нынешних Холмогор). Вслед за ним потянулись другие новгородские бояре. Во второй половине XIV века на Двине было уже довольно много новгородских боярских вотчин. Появились и постоянные представители новгородской власти — посадники (43, с. 35—36).

Новгородские переселенцы являлись в известном смысле миссионерами — они прививали другим народностям, стоявшим на более низкой ступени общественного развития, не только свое привычное земское устройство, но и православную веру. Принимая христианство, карелы, лопари и другие северные народности вместе с новой верой и русскими именами как бы принимали весь облик русского человека. Объединяясь в общины вокруг храма, новообращенные начинали жить русским обычаем в такой мере, что, как отмечает акад. С. Ф. Платонов, по старым грамотам невозможно отличить коренных новгородцев от новокрещенных инородцев (38, с. 18). Их мирные, дружественные взаимоотношения являлись залогом благополучия и процветания всего края. Н. М. Карамзин считал, что со стороны новгородцев не было попыток насильственной христианизации подвластных им народностей (2, т. 2, с. 13). Благодаря этому естественному миссионерству, Новгороду удалось утвердить свое влияние на Онеге и Двине и основать там множество поселений. Таким образом эти территории фактически вошли в новгородские пределы. Но земли к востоку от Двины (Пермь, Печера, Самоядь, Югра) продолжали управляться местными языческими князьками. Новгород сумел поставить их в вассальную зависимость и получать отсюда время от времени дань[1].

Здесь не было постоянных представителей новгородской администрации, «здесь знали только новгородского воина и купца» (43, с. 37). Время от времени новгородские дружины появлялись за сотни верст от самого Новгорода, границы северо-восточных владений которого терялись далеко за Уралом...

Новгородская летопись под 1364 годом, например, сообщает: «С Югры приехали новгородцы, дети боярские и молодые люди, и воеводы Александр Абакумович и Степан Ляпа, воевали одни по Оби реке до моря, а другая половина рати воевала по верх Оби». В следующем году,

как сообщает летопись, участники похода на Югру заложили в Новгороде на Редятине улице каменный храм во Имя Святой Троицы, вероятно, в память об удачном походе.

Походы новгородцев омрачались набегами так называемых «ушкуйников», отправлявшихся за добычей «без новгородского слова» (то есть, без благословения Владыки) на легких гребных судах — ушкуях. По существу это были разбойники, действовавшие на свой страх и риск.

Кое-кто из исследователей, впрочем, склоняясь к идеализации ушкуйников, называют их «буйной новгородской молодежью, искавшей раздолья, простора, подвигов, от избытка своих сил, не имевших приложения в обыденной жизни...» (40, с. 81). Думается, что такая оценка неправомерна, разбою ушкуйников не может быть оправдания; ушкуйников можно сравнить с мутной пеной, которая, как это обычно бывает, всплывает на поверхность при движении сильного потока... Течение же этого потока определялось в целом отнюдь не ушкуйниками, а новгородскими миссионерами, землепроходцами-переселенцами и купцами. В XIV веке новгородские купцы достигали на своих судах берегов Дании и Фландрии, ганзейских и скандинавских городов, Англии и даже Франции. Через Владимиро-Суздальскую землю по Волге Новгород был связан с мусульманским Востоком и Закавказьем. На северо-востоке новгородцы вышли к Белому морю и Ледовитому океану. Путь «из варяг в греки», шедший по Волхову и Днепру в Черное море, надежно связывал Новгород Великий с Византией.

3. Расцвет культуры и внешние связи

В первые десятилетия XIV века Новгород становится крупнейшим городом на Руси, одним из важных центров международной торговли. Тесные торгово-хозяйственные и культурные связи Новгорода с североевропейским союзом торговых городов — Ганзой способствовали большому экономическому подъему, расцвету ремесел, оживлению культурной жизни в Новгороде. «Единственный из русских городов, сохранивший полностью памятники своей прошлой культуры и не растерявший, как многие другие города Руси, за время татарского лихолетья свои древние художественные традиции, Новгород вступил в полосу нового, яркого расцвета...» (117, с. 26).

Эта полоса продолжалась на протяжении почти двух столетий, вплоть до присоединения Новгорода к Москве (1478). В истории Новгорода периода расцвета наиболее отчетливо проявились черты древнерусского города, унаследованные еще от домонгольской эпохи: вечевой строй и феодально-теократический облик[5].

В этот период уже вполне обозначилось неповторимое своеобразие новгородской художественной культуры, в особенности храмового зодчества, такие ее устойчивые черты, как простота, сдержанность, лаконизм и ясность форм, их «могучесть», которые позволили академику И. Э. Грабарю назвать эстетическим идеалом Новгорода «красоту силы». Поистине, кажется, что строители новгородских храмов действуют так же раскованно и щедро, как герои новгородских былин, «в которых поэтизируются избыток силы и вольный прихотливый порыв» (121, с. 137).

На сложение новгородской архитектурной школы оказали влияние несколько факторов: демократизация круга заказчиков (не только епископ и князь, но также бояре и купцы), широкое распространение местного строительного материала (известняковой плиты), технический прогресс и развитие городских ремесел (131, с. 42—46).

«Для всего мира Новгород — это блистательный центр мировой культуры, не менее важный, чем многие города Италии, — подчеркивает акад. Д. С. Лихачев. — Это один из центров Проторенессанса, центр прославленной живописи и архитектуры. Его значение в том, что он оберегал Русь не только в военном отношении, но в еще большей мере в отношении культурном: от растворения в культурах Востока и Запада» (135, с. 191). «Из всех русских городов предренессансное движение встречало наиболее благоприятную почву именно в Новгороде» (59, с. 50).

В середине XIV века при дворе святителя Феогноста, митрополита Московского (1328—1353), высоко ценились византийская образованность и богословская эрудиция; здесь сложилась достаточно замкнутая культурная среда, атмосфера которой способствовала развитию классического византийского искусства, гармонически ясного и утонченного.

В отличие от Москвы, широко открытый всем ветрам купеческий и торговый Новгород, отличавшийся демократическими традициями и вкусами, выбрал себе для подражания в византийской живописи наиболее экспрессивные, близкие к мистической экзальтации образцы. Опрощая их, по мнению О. С. Поповой, новгородские мастера в то же время усиливали их доходчивую эмоциональность и открытость, — то есть именно те особенности, которые характерны для самобытного новгородского искусства. «Легкость и естественность проникновения византийской культуры в Москву и, рядом с этим, затрудненность усвоения ее в Новгороде, усвоения как бы помимо и наперекор почвенным традициям — этот процесс отдаленно напоминает историю соотношения византийской и западноевропейской культуры с классическим

(античным) наследием: естественная унаследованность классики Византией, непрерывность в ней классических традиций, и трудные, мучительные поиски классики в Западной Европе, длившиеся в течение всех Средних веков, на протяжении столетий» (118, с. 216—217).

К середине XIV века заметно оживляются церковные связи Новгорода с Византией. Выходцы из Новгорода образовывают целые колонии в Константинополе и на Святой Горе Афонской, где занимаются перепиской богослужебных и святоотеческих книг.

О возрождении тесных связей Новгорода Великого с Византией, несмотря на монголо-татарское иго, свидетельствует письменный памятник «Хождение Стефана Новгородца»* (1348—1349), автор которого, знатный новгородец, повествует о своем паломничестве в Константинополь и описывает столицу Византийской империи, какой она была в начале XIV века (см. 41). Рассказ Стефана Новгородца донес до нас ценные сведения о православных святынях Царьграда, о некоторых памятниках, утраченных впоследствии.

В 1392 году в Константинополе побывали новгородские послы Кюр Сазонов и Василий Щечкин, а через два года в Новгород прибыл епископ Вифлеемский Михаил с грамотами от Константинопольского Патриарха. В Лисицком монастыре близ Новгорода благоговейно хранилась привезенная из Византии священная реликвия — шапка святителя Иоанна Златоуста («ТОДРЛ», т. 17. М. — Л., 1961, с. 371). Из летописей известно о приезде в Новгород в 1407 году епископа Трапезунтского Феодула.

Важное значение имели постоянные связи Новгорода со Святой Горой Афонской. В 1393 году с Афона возвратился инок Арсений, который обучился там ювелирному искусству и принес в Новгород икону Пресвятой Богородицы, впоследствии прославившуюся как чудотворная. На Ладожском озере преподобный Арсений Коневский основал знаменитый Коневский монастырь. В 1397 году с Афона в Новгород вернулся другой инок — игумен Лисицкого монастыря Иларион. Он принес рукопись Никона Черногорца «Тактикон». О прямых связях новгородских монастырей с Афоном свидетельствуют различные рукописные книги, в частности сборник из Лисицкого монастыря (1431), содержащий список одного из «Слов» преп. Максима Исповедника, который восходит непосредственно к афонскому оригиналу (132, с. 24).

Следует сказать и о предполагаемых связях Новгорода с далекой Арменией, о чем свидетельствует особое почитание в Новгороде святителя Григория, Просветителя Армении, первого армянского католикоса (300—325, память 30 сентября). Фрески и иконы с изображением армянского святителя (по-видимому, первые на Руси) имелись во многих храмах на новгородской земле: в церкви Спаса на Нередице (здесь же имелась фреска армянской святой мученицы Рипсимии), в церкви Феодора Стратилата, в Хутынском монастыре, в Антониево-Сийском монастыре. В Хутынской обители в разное время были построены два храма во имя святителя Григория Просветителя. Их существование современный исследователь К. В. Айвазян считает веским аргументом в подтверждение того, что здесь имелись частицы мощей святителя Григория (см. 124, с. 272).

Заметное влияние на развитие культурных контактов Новгорода с зарубежьем оказала и деятельность новгородских еретиков (в XIV веке это «стригольники», в конце XV века — «жидовствующие»).

В поисках аргументов для своего неортодоксального богословия они обращались к опыту зарубежных собратьев и сочинениям иноязычных авторов, которые старались перевести на русский язык. «Деятельности новгородских еретиков, — отмечает А. Л. Хорошкевич, — Русь обязана знакомством с астрономическими и философскими древнееврейскими произведениями — «Шестокрылом» и «Логикой» Моисея Маймонида (1135—1204)» (120, с. 224).

Довольно тесные и, по всей вероятности, постоянные торгово-экономические связи соединяли в XIV веке Новгород с Польшей. Как показал современный исследователь А. И. Рогов, в Новгороде использовался польский свинец, преимущественно для изготовления кровель храмов, которые в XIV веке часто обновлялись: в 1333, 1341, 1386 — на Софийском соборе; в 1345 г. — на Георгиевском соборе Юрьева монастыря; в 1396 г. — на Рождественском соборе Антониева монастыря; в 1354 г. — в Знаменском храме (90, с. 68).

В ризнице Мариацкого костела в Кракове хранится медновызолоченный ларец-реликварий, который, по мнению П. Н. Жолтовского, В. Л. Янина и некоторых других ученых, имеет новгородское происхождение (90, с. 66).

Со второй половины XIV века во внешнеполитических и торговых связях Новгорода вплоть до середины XV века наряду с Любеком и Висби приобретают преобладающее значение лифляндские города — Рига, Дерпт (ныне Тарту) и Ревель (ныне Таллин) (111, с. 129).

В 1418 году посланцы Великого Новгорода вместе с представителями духовенства других русских городов и монастырей во главе с митрополитом Киевским Григорием (Цамблаком) приняли участие в соборе Римско-Католической Церкви в г. Констанце, на котором обсуждался вопрос о соединении Церквей (см. 33).

---

* «Сказание о святых местех, о Костянтинеграде, и о святых мощех, спасшихся во Иерусалиме, а собранных Костянтином царем в нарицаемый Царьград».

В 1437 году из Новгорода в Италию вместе с митрополитом Московским Исидором отправился суздальский иеромонах Симеон, принявший участие в Ферраро-Флорентийском соборе 1439 года. По возвращении в Новгород к святителю Евфимию II (который также был противником Унии) иеромонах Симеон написал свое знаменитое «Хождение во Флоренцию». «Западногерманские исследователи подчеркивают дневниковый характер «Хождения», отсутствие у его автора религиозной полемики и предвзятого отношения к Западу и ценность в силу этого «Хождения» как исторического источника, рассказывающего о том, как беспристрастный русский человек увидел полтысячелетия назад западный мир» (116, с. 13).

Современный немецкий историк Э. Доннерт подробно рассматривает культурные связи Руси с европейскими странами, в особенности с Италией и странами Балтийского региона, в первую очередь с Германией. Говоря о роли ганзейских городов, ученый отмечает, что в них, например, в Любеке, придавалось большое значение изучению русского языка. Это способствовало не только торговле, но и политическому взаимопониманию, развитию немецко-русских культурных связей, находивших своеобразное проявление в ремеслах, строительном деле, литературе и искусстве. Известны многочисленные факты о получении русскими высшего образования в европейских университетах в XV в.; в частности, в университете г. Ростока обучались новгородцы, а ректором университета в Болонье в 1481/1482 гг. был русский, медик по образованию (см. 101).

Нельзя недооценивать, тем более игнорировать, вклада европейских мастеров в развитие новгородской культуры, в частности в развитие зодчества. Работы иностранных специалистов фиксируются новгородскими летописями, но их оказывается, однако, не так уж много. «Основными, во много раз бóльшими иностранных, техническими и художественными кадрами Новгород обладал своими и был в состоянии не только удовлетворять ими всем своим собственным потребностям, но и экспортировать их» (49, с. 49). Действительно, из тех же летописей и из других источников мы узнаем о том, что новгородские строители и иконописцы работали в Москве, на острове Готланде (в Висби), в ганзейских городах, в Польше (Краков, Люблин, Гнезно) и др. В условиях постоянного общения Новгорода с Западной Европой в XIV веке в новгородском зодчестве находили выражение черты романо-готической архитектуры, главным образом в декорировке абсид, оформлении входных и оконных проемов. Стремление к декорировке архитектуры в это время сказалось в Новгороде гораздо заметнее, чем в XII—XIII вв., однако не утратило типично новгородской простоты и сдержанности. Новгородские мастера достаточно умело и осторожно использовали каменные кресты различных форм, выпуклые бровки над окнами, простые и профилированные ниши, орнамент из глубоких треугольных впадинок и другие рельефные украшения стен.

Вместе с тем, как указывает знаток новгородской архитектуры М. К. Каргер, мы вправе говорить и об обратном влиянии Новгорода, в частности на зодчество в Прибалтике.

Так, например, в некоторых старинных зданиях г. Таллина (бывшая Колывань) явно проглядывает воздействие новгородского искусства (117, с. 28; см. также 47).

Следует обратить внимание на то, что в настоящее время почти все новгородские храмы (за исключением церкви Петра и Павла в Кожевниках, реставрированной в первозданном виде) имеют оштукатуренные фасады. Между тем первоначально поверхность их стен не была покрыта штукатуркой, она была живописной и многоцветной. На это обращает внимание крупный знаток древнерусской архитектуры П. А. Раппопорт: «Кладка из неправильных по форме камней различных оттенков в сочетании с лопатками и арочными перемычками, исполненными из брусчатого кирпича, создавала неповторимое впечатление почти естественно сложившегося организма (84, с. 64).

В области фресковой живописи русская средневековая художественная культура заметно превосходила западноевропейскую. В то время как в Европе романские и готические храмы применяли фресковую роспись в ограниченных размерах, русские храмы, как правило, непременно расписывались фресками или мозаиками. Начиная с самого древнего новгородского храма, Софийского собора, почти все храмы в Новгороде украшались стенной росписью. В XIV веке Новгород создал исключительно много памятников монументального искусства. Это росписи храмов Николы на Липне, Благовещения на Городище, Успения на Волотове, Феодора Стратилата на Ручье, Спаса на Ильине, Спаса на Ковалеве, Рождества на Красном поле, собора Сковородского монастыря и другие.

Классической для того времени явилась роспись церкви Успения на Волотове (село близ Новгорода). Храм этот, сооруженный в 1352 году, был расписан (по сообщению летописи) в 1363 году. В росписях нашли отражение сюжеты так называемого «протоевангельского», апокрифического цикла, иллюстрирующего некоторые легендарные мотивы в жизни Пресвятой Богородицы. Подобные отдельные композиции на Руси встречались и раньше — в Киеве (Софийский собор), Старой Ладоге, храме Спаса на Нередице. В церкви Успения на Волотове эти композиции (их 12) не случайны, они приобретают систематический характер. Мировое иконописное искусство имеет немного примеров столь глубокого психологизма, как в волотовских росписях[6]. «Сосредоточенность евангелистов, радостная изумленность Девы Марии,

оторвавшейся от своего занятия в сцене «Благовещение»; экстаз Марии Египетской в сцене с Зосимою; душевное смятение старца Иосифа, искушаемого дьяволом в образе пастуха, в сцене «Рождества», — все это художественные достижения одного порядка. Ранее Волотова в русском средневековом искусстве мы их не знаем, и до XIV века они невозможны, — считает выдающийся исследователь Новгорода Н. Г. Порфиридов. ...Нигде ранее Волотова в русском искусстве мы не встретим таких свободных и выразительных рисунков фигур. Уменье передать постановку, жестикуляцию, движение фигур, почерпнутое, конечно, из длительных наблюдений, у мастера Волотова неоспоримо. Слетевший с неба ангел в «Благовещении» как будто еще продолжает движение...» (49, с. 282—283).

Другим шедевром монументальной живописи являлись фрески церкви Спаса на Ковалеве (построена в 1345 г. новгородским боярином Онцифором Жабиным), исполненные южнославянскими, по-видимому, сербскими мастерами в 1380 году. «Наиболее выразительной была роспись барабана, где мастер создал блестящую серию экспрессивных и глубоко индивидуальных характеристик пророков и праотцев» (117, с. 205)[7].

В XV веке наиболее значительные успехи в новгородском искусстве были достигнуты в иконописи. Иконопись как бы высвобождается от влияния монументального искусства и обретает свой собственный язык. По мнению Я. В. Брука, «наряду с иконами Андрея Рублева и его школы новгородские иконы XV века представляют наивысшее достижение древнерусской живописи» (83, с. 55). «И такой яркой и звонкой в своих чистых цветовых сочетаниях! Истинно жаром красок, разительной непосредственностью и благородством художественного вдохновения радовала древних новгородцев и радует нас по сей день великая новгородская живопись», — пишет Л. Д. Любимов (95, с. 174). Характерные ее черты состоят в тяготении к строгому ритму, в котором мир ясен и прост; он предстает как Богосотворенный, упорядоченный космос, но как бы избегает символического, иносказательного истолкования. Выдающийся современный искусствовед М. В. Алпатов справедливо считает в этой связи, что коренной особенностью творческого мышления новгородского иконописца является строго определенное, четкое умозрение: «Ему [новгородскому мастеру] недостаточно показать, как это было, он хочет еще внушить зрителю, что иначе оно и быть не может, и потому все происходящее вплоть до мельчайших частностей строго подчиняется закономерности» (*М. В. Алпатов*. «Всеобщая история искусств». Т. 3. М., 1955, с. 213). Вместе с тем новгородская иконопись XV века, безусловно, очень близка народному искусству, для нее характерны красочные фольклорные детали, такие, например, как в иконе «Чудо Георгия о змие» (белые зубы и красный, как пламя, язык у дракона). «Ясность мысли, энергия исполнения, высокое композиционное и колористическое мастерство — черты, присущие многим новгородским иконам этого времени: и небольшим, однофигурным, как «Илья-пророк» или «Чудо Георгия», и сложным, многофигурным композициям [как «Битва новгородцев с суздальцами»]. Какого бы сюжета ни касался новгородский художник, любой он трактует ясно и убедительно» (83, с. 59)[8].

Следует сказать и о новгородской деревянной скульптуре, которая оставила нам обилие изображений святителя Николая Чудотворца и мученицы Параскевы (особенно почитаемых в Новгороде как покровителей торговли), а также много резных изображений преподобного Варлаама Хутынского. «Одни только эти дошедшие до нас произведения большого масштаба, не говоря о бесчисленных произведениях мелкой каменной, костяной и деревянной резьбы, свидетельствуют о том, что скульптурное искусство не умирало в Новгороде на протяжении ряда веков, стойко сохраняя и обогащая свои традиции» (49, с. 300); «Именно Новгород был крупнейшим и ведущим центром скульптуры на Руси в эпоху после монгольского нашествия вплоть до XVII века» (112, с. 125).

Что касается собственно мелкой пластики (произведения миниатюрного рельефа в камне, дереве и кости), новгородское искусство поражает как высокой художественной ценностью, так и обилием памятников, составляющих, например в XIV веке, цельные технико-стилистические группы. Новгородские мастера бережно сохраняли некоторые традиции, утраченные в других местах, например, традиции искусства перегородчатой эмали. Только они умели создавать в XIV веке на Руси произведения высокого ювелирного искусства, украшенные черной эмалью (123, с. 186). Искусство резьбы по дереву, — отмечает Б. А. Колчин, — в Новгороде XIV в. становится профессиональным и редко снисходит до массовой рядовой продукции. Бытовое же народное искусство в начале XIV века как бы уходит в деревню, с ее натуральным хозяйством и более спокойным ритмом жизни (в деревне оно сохранилось вплоть до XX века) (85, с. 61).

Новгородская книжная миниатюра XIV века свидетельствует о влиянии византийского палеологовского стиля. Но русские мастера не ограничивались копированием лучших греческих образцов, а творчески перерабатывали их. Иностранцы поражались «переимчивости» русских (вспомним слова Ф. М. Достоевского о «всемирной отзывчивости» русской души), но, учась у европейцев, русские не теряли чувства собственного достоинства, не порывали с национальными традициями, родными обычаями и истинной верой, каковой было и остается Православие.

В этом, безусловно, проявлялся подлинный патриотизм, о котором прекрасно сказал Н. М. Карамзин: «Патриот спешит присвоить Отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках, оскорбительные для народной гордости» («Избранные произведения». М., 1966, с. 184).

4. Письменность и просвещение

«Молчат гробницы, мумии и кости.
Лишь слову жизнь дана.
Из тьмы веков на мировом погосте
Звучат лишь письмена».

И. А. Бунин

Жития новгородских святых свидетельствуют о широкой распространенности грамотности, доступной всем сословиям, причем не только жителям самого Новгорода, но и жителям его далеких пригородов и отдаленнейших деревень. И преподобный Александр Ошевенский (†1479, память 20 апреля) из Белозерья, и преподобный Александр Свирский (†1533, память 30 августа) из Обонежской деревни, и преподобный Антоний Сийский (†1556, память 7 декабря) из села близ Белого моря — все они учились в школе и были обучены грамоте еще в детстве. Житие святителя Ионы, архиепископа Новгородского (1458—1470), содержит сведения о значительном числе учеников в тогдашнем новгородском училище и у частных учителей (См.: 7, с. 27). О грамотности многих поколений новгородцев красноречиво свидетельствуют и берестяные грамоты, и надписи «граффити» на стенах новгородских храмов, представляющие собой драгоценный палеографический, филологический и исторический материал[9].

Эпиграфика (наука о надписях) позволяет нам уяснить степень грамотности новгородцев, представителей различных сословий.

Огромный эпиграфический материал дали археологические раскопки на новгородской земле, изучение нескольких сот средневековых берестяных грамот, надписей в Софийском соборе, надписей на крестах, богослужебных сосудах, домашней утвари, корчагах и пряслицах. «Отличительной особенностью эпиграфического материала, — пишет академик Б. А. Рыбаков, — является его лаконичность, завершенность, конкретность. Эпиграфическая запись — это живой голос древнерусского горожанина: гончара, ювелира, воина, князя, церковного певчего, паломника, девушки-пряхи, епископа, княжеского казначея или ловчего. Надписи удостоверяют имя мастера, изготовившего вещь, владельца вещи, содержат заклинания [молитвы, а не заклинания. — *В.Н.*], шутки, эпиграммы и даже летописные записи о событиях» (145, с. 35—36). Анализ этих надписей позволяет с уверенностью заключить о грамотности в Новгороде всех слоев населения, в том числе так называемых «черных людей». Эпиграфические данные открывают нам доступ не только в бытовую, но и в духовную жизнь ремесленников, токарей по камню и литейщиков, сапожников и гончаров, мастеров золотых и серебряных дел, а также приоткрывают завесу над жизнью древнерусских женщин, мастериц прясть и любительниц украшать себя красивыми изделиями и драгоценностями.

Одним из интереснейших памятников новгородской эпиграфики является, например, Людогощинский крест 1359 года. Надпись на нем скульптора Людогощина Якова, сына Федосова, по существу является молитвой: «Господи, Иисусе Христе, помилуй вся христиан на всяком месте молящася Тебе верою чистым сердцем...» (цит. по: 145, с. 50).

Новгородские рукописи, оказавшиеся в московских Типографской и Патриаршей библиотеках, позволяют выявить десятки книжных писцов, трудившихся в Великом Новгороде в XIV—XV вв.; вот их имена: Андриан, Иосиф, Григорий, Матвей, Леонид Языковиц, Пимен, Яков, Давид дьяк, Феодор пресвитер, Фома, дьяки Василь, Гридя, Климент и другие. В середине XIV века святитель Моисей, архиепископ Новгородский (1324—1329, вторично 1352—1359), «собра многи писцы книжныя, наят (нанял) их переписывати книги». Простой перечень имен писцов позволяет говорить о распространении грамотности и искусства книгописания не только в среде духовенства, но и среди широких слоев мирских людей, а обилие книжных писцов служит убедительным доказательством распространения образованности (49, с. 160—163).

Среди книжного наследия Новгорода и Пскова XIV—XV веков известно множество различных списков Пролога, Палеи, учительных сборников, вроде «Измарагда» и «Златой Цепи», в которых содержатся избранные места из творений святых Иоанна Златоуста, Василия Великого, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника и других отцов Церкви. Весьма ценным юридическим памятником является новгородский рукописный сборник XIV века, известный под названием «Пушкинский». В него входит знаменитый правовой кодекс «Русская Правда», пространная редакция «Закона Судного людям» и другие. «Можно предполагать, что и шедевр

русской древней поэзии — «Слово о полку Игореве» — дошел до нас при посредстве новгородского или псковского списка», — подчеркивает М. Н. Тихомиров (76, с. 35).

Судя по припискам к тексту новгородских и псковских переписчиков, их образованность безусловно превышала элементарную грамотность. Так, например, один из писцов XIV века Кузьма Попович обнаруживает в приписках знакомство с народными былинами, другой писец Диомид — знание поэмы «Слово о полку Игореве» (что является драгоценным свидетельством ее древности), неизвестный автор приписки к книге «Пандекты» (XV в.) знал памятник конца XIV века «Задонщину» (автор которой брянский боярин Софония, впоследствии священник в Рязани, описал Куликовскую битву). Огромные книжные собрания имелись не только в знаменитой библиотеке Софийского собора, но и в таких новгородских монастырях, как Юрьев, Антониев, Варлаамиев, Десятинный, Духов и другие.

Из 94 писцов, чьи имена хранят книги Софийской библиотеки, 22 монаха, 30 священников и дьяконов, остальные — мирские люди, 42 человека, число тоже немалое. Что касается заказчиков, то среди них явно преобладает высшее духовенство: архиепископы XIV—XV веков Моисей, Алексий, Евфимий II и Феофил, десять «строителей», игуменов и архимандритов, три монаха и лишь пятеро — мирские люди. «Такая картина не должна вызывать недоумения. Изобилие позднейших приписок и помет владельцев книг говорит о том, что гораздо дешевле было купить книгу, чем заказать ее» (91, с. 32).

Современный исследователь Н. Н. Розов выяснил, что рукописные книги из Софийской библиотеки распределялись или поступали во временное пользование в около 100 различных монастырей и свыше 250 церквей по всему русскому Северу, Северо-Западу и Северо-Востоку, вплоть до Соловков и далекой Вятки! (91, с. 36—51; см. также 138).

Таким образом, уже в XIV веке жители Новгородской земли пользовались междугородным библиотечным абонементом.

«В Софийском собрании представлен весь период развития русской рукописной книги с XI по XIX в. (!) и довольно равномерно отражены все этапы истории искусства книги, все художественные стили и явления», — отмечает О. В. Звегинцева (139, с. 252).

К середине XV века книгохранилище Софийской библиотеки в значительной степени расширилось и обогатилось за счет богослужебных, агиографических и летописных сборников. Каждый храм в Новгороде имел свои богослужебные книги: Евангелие, Апостол, Служебник, Псалтирь, Октоих, Ирмологий, Служебные Минеи, Триодь, Постную и Цветную, и другие. По благословению архиепископа Новгородского святителя Евфимия II (1429—1458), который не жалел средств на собирание и хранение различных рукописей, была осуществлена большая работа по переписке старых и составлению новых летописных сводов (93, с. 214).

Историки летописания выяснили, что в 30—50-х годах XV века в Новгороде были созданы один за другим три больших летописных свода, причем в нескольких редакциях (46, с. 113—149).

По мнению академика Д. С. Лихачева, эти летописные своды, в отличие от прежних, отличаются ярко выраженным общерусским характером, описывают судьбы русского народа в целом (а не только Новгорода), опираясь на московские летописи и используя московскую книжность. «Описывая народные волнения или неурядицы новгородской жизни, вызванные плохим судом и «неправым поклепом», летопись оглядывается на «суседей», скорбит за своих сограждан, воспринимает усобицы как провинность всего новгородского населения и нередко противопоставляет современность старине» (59, с. 67).

Наиболее значительным письменным памятником той поры является Новгородско-Софийский летописный свод 1448 года, оказавший влияние на все последующее новгородское и общерусское летописание. Он был составлен в годы смуты, когда шла междоусобная борьба за великокняжеский престол между Василием II и его двоюродными братьями. Именно эта борьба побудила составителя свода [который, по мнению Я. С. Лурье, представляет переработку московского свода митрополита Киприана (1408)] «особенно решительно выступить против межкняжеских распрей — «братоненавидения», призывать к единству в борьбе с еще не свергнутым монголо-татарским игом, широко соединять в своем своде летописания Новгорода и Северо-Восточной (Владимиро-Московской) Руси» («История русской литературы X—XVII веков». М., 1980, с. 254; см. также: 104, с. 67—121).

В свод 1448 года оказались включенными различные повести и сказания общерусского содержания: «Повесть о побоище на Дону» (1380), «О Московском взятии от царя Тохтамыша и о пленении земли русской» (1382), «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» (конец XIV в.), псковская повесть о святом князе Довмонте, новгородские повести о посаднике Щиле, о посаднике Добрыне, о битве на Липице, житие блаженного Михаила Клопского, тверская повесть о святом князе Михаиле Ярославиче и другие.

В некоторых повестях (о посадниках Щиле и Добрыне, о преподобном Михаиле Клопском) можно проследить одну общую мысль: о неотвратимости возмездия за грехи и о спасительности заупокойных молитв. Эти традиционные воззрения христианской Церкви приобрели особую актуальность в Новгороде того времени и были в известной мере ответом на еретические воззрения «стригольников». Ересь «стригольников», возникшая в Новгороде во второй

половине XIV века, не была сломлена, несмотря на репрессии и преследования еретиков, и продолжала существовать в то время.

«Стригольники», как известно, отрицали сам институт Церкви — посредницы между людьми и Богом, подчеркивали недостоинство церковной иерархии, не принимали Святые Таинства, отвергали заупокойные молитвы, выступали против исповеди (см. 66, с. 167—176). Идейная направленность вышеназванных повестей не ограничивалась развенчанием ереси. А. С. Хорошев отмечает их откровенную антибоярскую, антипосадническую тенденцию. Обличая злоупотребления боярства, авторы повестей возвышали авторитет Новгородского архиепископа, подчеркивали мысль о единстве Церкви и народа (119, с. 101).

Следует сказать и о глубоком патриотическом пафосе, который пронизывает весь свод 1448 года. Его лейтмотивом является мысль о необходимости отказа от междоусобных распрей, об объединении Русской державы против внешних врагов. В атмосфере феодальных смут того времени, когда еще не было окончательно сброшено монголо-татарское иго, летописный свод 1448 года имел огромное историческое значение, его, пожалуй, можно приравнять по значению к «Слову о полку Игореве».

Достойна изумления удивительная взаимосвязь и тесная переплетенность новгородского летописания и новгородского искусства. «Я не допущу преувеличения, — пишет акад. Д. С. Лихачев, — если скажу, что основным героем литературных произведений Новгорода были памятники зодчества и живописи. Редкое крупное здание в Новгороде не имело легенды о своем возникновении, не имело своей истории, зафиксированных в летописи сведений о себе. А с другой стороны, редкое произведение новгородской литературы не было связано с теми или иными памятниками» (76, с. 52).

Это обстоятельство, безусловно, придает особый колорит и очарование средневековому Новгороду периода расцвета.

5. Новгородские святители — миротворцы и храмоздатели, поборники вечевой вольности

«Мы Новгород Великий государем
Поставили и головы послушно,
Свободные, склонили перед ним.
Вот наша воля! — Прав своих держаться,
Чужие чтить, блюсти закон и правду...

Они вольны на вече говорить,
А приговор когда постановили,
Он должен быть, как Божье слово, свят!..»

А. К. Толстой (Драма «Посадник»)

Необходимой предпосылкой для успешного развития Новгорода были его мирные взаимоотношения с соседними русскими княжествами.

Благодаря усилиям *архиепископа Новгородского Давида (1307—1324)* Новгороду удалось избежать опасных последствий междоусобной брани с Тверским и Московским княжествами. С этой целью Владыка Давид несколько раз ездил в Тверь с предложениями мира.

Летописцы упоминают о построении по благословению архиепископа Давида нескольких храмов на новгородской земле: Покровской церкви на Дубне, Успенской на Коломцах, во имя святого равноапостольного великого князя Владимира (1311) и во имя святителя Николая Чудотворца (1312) в Неревском конце Новгорода.

Преемник Владыки Давида *святитель Моисей (1325—1330)* был призван на архиепископскую кафедру из архимандритов Юрьева монастыря. Он получил посвящение в архиерейский сан от святителя Петра, Митрополита Московского, в Москве. Пять лет святительствовал архиепископ Моисей в Новгороде, «неусыпно заботясь о благе своей паствы, помогая страждущим и обидимым, призревая вдов и сирот и защищая слабых от притеснения сильных» (9, с. 233).

В 1335 году Владыка Моисей основал Воскресенский монастырь близ речки Деревяницы, при ее впадении в Волхов, отчего он получил название «Деревяницкого» (первый каменный собор не сохранился, дошедший до нас грандиозный Воскресенский собор возведен в 1700 году).

Затем, ища молитвенного уединения и безмолвия, святитель Моисей оставил свой престол и удалился на покой в излюбленный им Деревяницкий монастырь, где принял схиму.

Восемь месяцев архиепископская кафедра Новгорода как бы вдовствовала. Наконец на нее был избран приходской священник храма во имя святых бессребреников Космы и Дамиана Григорий, по прозванию Колейка, или Калика, муж «добрый и благочестивый в преподобстве своем, смиренный, кроткий и бессребреный, подобно святым Козьме и Дамиану» (ПСРЛ, т. 3, с. 75).

1 января 1330 года он принял иночество (с именем Василий), что являлось непременным условием для лиц белого духовенства, избираемых на архиерейскую кафедру. Летом следующего года *святитель Василий (1330—1352)* получил посвящение в сан архиепископа во Владимире Волынском, где в это время находился по церковным делам митрополит Московский Феогност.

Хиротония состоялась при участии еще пяти епископов южной Руси: Полоцкого, Владимирского, Галицкого, Перемышльского и Холмского (ПСРЛ, т. 3, с. 75).

По возвращении в Новгород святитель Василий продолжил строительство каменных стен Кремля и завершил его в течение двух лет. В 1333 году он покрыл свинцом Софийский собор и поставил на главе его новый крест. В 1341 году греческими (или сербскими) мастерами был написан праздничный чин икон в иконостасе Софийского собора, сохранившийся поныне. Стилистический его облик позволяет считать, что новый чин во многом повторял прежний, созданный еще при епископе Нифонте в XII веке (142, с. 213).

Добрую память оставил по себе святитель Василий своими заботами и трудами об умиротворении великого князя Московского Иоанна Даниловича Калиты. При нем установились весьма дружественные взаимоотношения между Новгородом и Москвой: «Москвичи и новгородцы ездили друг к другу пировать и веселиться; обещали взаимно везде действовать вместе» (22, с. 170).

В 1339 году от имени святителя Василия и новгородского посадника было отправлено посольство к королю Шведскому, чтобы заключить мир «по старым грамотам». При этом, как отмечает летописец, святитель Василий не забыл о карелах, принявших Православие, чтобы они не потерпели от шведов ущемления своих вероисповедных прав (ПСРЛ, т. 3, с. 78—79).

После смерти великого князя Ивана Калиты († 1340) отношения Новгорода с Москвой омрачились: новый великий князь Симеон Гордый послал своих бояр собрать дань с новгородского города Торжка. Святителю Василию, впрочем, удалось окончить дело миром.

В 1348 году произошло военное столкновение Новгорода со Швецией. Шведский король Магнус осадил и взял крепость Орешек, но потерпел от новгородцев поражение на Жабче поле. С помощью псковичей Орешек был отбит, а шведы — изгнаны (ПСРЛ, т. 3, с. 84). Новгородцы тогда торжественно объявили, что Псков впредь должен именоваться «младшим братом Новгорода» и предоставили ему право управляться своими наместниками. Но Псков оставался в церковно-административном подчинении Новгорода (вплоть до 1589 года, когда была учреждена Псковская епархия).

«Этот союз новгородцев с псковитянами... делает честь уму святителя Василия; это, можно сказать, один из лучших его подвигов на пользу Отечества», — пишет протоиерей П. И. Тихомиров (22, с. 175).

В бытность святителя Василия в Москве в 1346 году митрополит Феогност, в знак уважения к его высоким достоинствам, даровал святителю Василию так называемые «крещатые ризы», которые являлись особым отличием старейших архиепископов. Другое отличие — белый клобук — святитель Василий получил по преданию еще раньше от Патриарха Константинопольского (по другим сведениям, от Патриарха Иерусалимского). Право носить белый клобук, как известно, перешло от святителя Василия к его преемникам, а от них, через митрополита Новгородского Макария (1526—1542), вступившего с Софийской кафедры на кафедру Митрополита всея Руси (1542—1563) ко всем русским митрополитам.

Легенда о белом клобуке спустя полтора столетия привлекла внимание знаменитого Новгородского архиепископа святителя Геннадия (1484—1504), создателя первого полного русского свода Библии (см. 14). Вероятно, каким-то книжником из его окружения легенда была переработана в так называемую «Повесть о новгородском белом клобуке», отразившую популярную в то время доктрину старца Филофея «Москва — третий Рим» (известно около 300 списков различных редакций «Повести») (см. 148).

«Как велика была любовь блаженного Василия к пастве своей, показал он в последние дни своей жизни», — пишет протоиерей П. И. Тихомиров (22, с. 181—182). Весной 1352 года в Пскове началось страшное моровое поветрие, известное под названием «черной смерти» (чумы). Святитель Василий вскоре отправился в Псков, чтобы молитвенно поддержать и благословить несчастных жителей города.

Вероятно, заразившись в Пскове, святитель Василий умер от чумы на обратном пути в Новгород, 3 июля 1352 года, в монастыре во имя Архангела Михаила. Из Сковородской обители был вызван схимник Моисей (бывший архиепископ), который проводил своего усопшего собрата в последний путь, до места его упокоения в Софийском соборе.

После 13 лет уединенного подвижничества, стяжав у Господа много неизреченных милостей, святитель Моисей внял народным мольбам и возвратился к архипастырскому служению. В 1353 году он отправил послов в Константинополь к императору Иоанну Кантакузену (1350—1390) и Патриарху Филофею (1354—1355, 1362—1376).

Посольство это, по всей вероятности, было вызвано тем, что святитель Моисей вступил в борьбу с Московской митрополией, отказавшись от «месячины» — митрополичьего суда, связанного с приездами в Новгород митрополита (или его посланника), что приводило к значительным

поборам. Борьба, шедшая на протяжении 50—80-х годов XIV века, принесла победу новгородцам (см. 88). Инициатор отказа от «месячины» святитель Моисей выступил как ревностный поборник «священной новгородской старины». По его благословению в 1353 году был сооружен Знаменский собор, предназначенный для Новгородской чудотворной иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» (XII в.).

Эту икону можно сравнить с исторической картиной: на ней запечатлено конкретное историческое событие — победа новгородцев, благодаря заступничеству Пресвятой Богородицы, над суздальской ратью, осадившей Новгород в 1170 году. Икона напоминала новгородцам о силе и могуществе родного города, о его способности защитить свою свободу и независимость.

В годы святительства архиепископа Моисея в Новгороде впервые заявила о себе ересь так называемых «стригольников», гнездо которой было, по всей вероятности, в Пскове (преподобный Иосиф Волоцкий называл Карпа-стригольника «псковичем»). Движение «стригольников» оформилось в своего рода секту. «Еретическое зерно ее, — пишет проф. А. В. Карташев, — не поддается прямому уяснению... Логика еретиков развивается типично по линии придирчивой критики внешних порядков в Церкви, именно: симонии... «Стригольники» отрицали реальность священнодействий иерархии потому, что не видели в ней евангельской нестяжательности»... (58, с. 485).

После семи лет вторичного святительства архиепископ Моисей удалился в устроенную им Сковородскую обитель. «Изберите себе мужа, которого вам Бог даст», — сказал он новгородцам. По жребию, как того требовал обычай, преемником святителя Моисея был избран инок Алексий, ключарь архиерейского дома. Весной того же года в Новгороде возник сильный мятеж: взволновалось вече, поднялись друг против друга враждующие стороны... Тогда старец схимонах Моисей вышел из своей обители и с крестом в руках, в сопровождении нареченного Владыки Алексия стал посреди враждующих. Благословляя их, святитель Моисей сказал: «Дети, не поднимайте брани, да не будет похвалы язычникам, а святым церквам и граду сему опустошение» (9, с. 234). Послушавшись любимого архипастыря, новгородцы разошлись, не вступая в бой. Так святитель Моисей повторил подвиг святителя Нифонта († 1156) и некоторых других своих предшественников, умиротворявших новгородцев.

Более четверти века новгородскую паству духовно окормлял *архиепископ Алексий (1359—1388)*. Его правление замечательно построением и благоукрашением многочисленных храмов. «Не проходило ни одного почти года в период его святительства, в который бы не было построено двух и даже трех церквей» (22, с. 193). Этому благоприятствовало и относительно спокойное состояние Новгорода в то время, если не считать обострения ереси «стригольников» (в 1375 году, впервые в новгородской истории, с еретиками расправились: трех человек сбросили с моста в Волхов...).

В 1360—1361 гг. был возведен храм во имя святого Феодора Стратилата (на месте более древнего), и доныне поражающий цельностью и завершенностью форм, гармонией и достоинством пропорций, в 1362 году — Рождественский храм; в следующем году — расписана церковь в честь Успения Богородицы на Волотовом поле; в 1364 году построен Преображенский храм в Торжке; в 1365 году — церковь Сретения Господня в Антониевом монастыре, в следующем году — церковь во Имя Святой Троицы на улице Редятине; в 1369 году — два каменных храма во имя св. Прокопия и св. Андрея юродивого. По благословению архиепископа Алексия жители Пскова соорудили новый собор во Имя Святой Троицы, на старом основании (1367).

Фрески в храме Феодора Стратилата получили особенно широкую известность после первых раскрытий, выполненных в 1910—1911 гг. на средства новгородского Общества любителей древностей. Несмотря на это, они продолжают оставаться недостаточно изученным памятником, вызывающим споры и разногласия. Ряд видных искусствоведов (А. И. Анисимов, И. Э. Грабарь, П. П. Муратов, А. А. Строков, В. А. Богусевич, М. К. Каргер и др.) считают создателем этих фресок Феофана Грека и рассматривают их как его самую раннюю работу в Новгороде (109, с. 145—146).

Преображенский храм на Ильине улице, построенный в 1374 году, — один из самых выдающихся памятников новгородского зодчества. Он радует не только своим внешним обликом, богатством декоративного убранства фасадов, но и удивительными фресками Феофана Грека. Эта уникальная роспись — единственная из более чем сорока росписей великого художника, сохранившаяся доныне (в наилучшей сохранности оказались фрески в барабане храма и в северо-западном Троицком приделе на хорах).

«Что в высшей степени поражает в феофановском искусстве, это несравненный артистизм. Прекрасный рисовальщик, Феофан обладал молниеносной и вместе безошибочной кистью. Быстрота авторской манеры совершенно наглядно, «физически» ощущается при рассмотрении его фресок и буквально очаровывает» (49, с. 286).[10]

При впадении в Волхов реки Витки, на северо-западной оконечности Плотницкого конца были возведены Борисоглебский храм (1377) и церковь во имя святого Иоанна Богослова (1383—1384).

«Великолепно выбранное местоположение и удачно найденные, очень строгие пропорции делают церковь Иоанна Богослова одной из самых поэтических построек Новгорода» (121, с. 145).

В 1380 году, как мы уже писали (см. «Богословские труды», сб. 25), новгородская рать по благословению Владыки Алексия приняла участие в Куликовской битве, а затем отразила удар литовского князя Ягайло. В память славной победы великого князя Дмитрия Донского над Мамаем, в 1381 году в Новгороде были возведены еще два каменных храма: во имя святого Димитрия Солунского (Небесного покровителя Димитрия Донского) и в честь Рождества Христова.

В 1386 году была освящена последняя церковь — во имя. св. Климента на Иворове улице, в построении которой принимал участие архиепископ Алексий, уже достигший преклонных лет. Этот год в русской истории омрачен конфликтом между Новгородом и Москвой... Возник он из-за того, что новгородцы без ведома великого князя Московского передали в кормление литовскому князю Патрикию Ладогу и Руссу.

Неизвестно, дал ли на это свое согласие архиепископ Алексий...

Великий князь Димитрий Донской с большой ратью двинулся на Новгород и разбил свой стан в 30 верстах от него в местечке Ямны. Сюда, к великому князю, отправился архиепископ Алексий с мольбою о мире: «Княже! тебя благословляю, а великий Новгород весь челом бьет о мире, чтобы, господине, кровопролития не было...» (22, с. 201). Вначале Димитрий Донской отклонил просьбу Владыки; но когда новгородцы проявили решимость обороняться[11], он согласился на мир, так что вторая мирная депутация новгородского духовенства увенчалась успехом. Владыка Алексий сам вновь ездил в Ямны и довершил мир с великим князем, по условиям которого новгородцы обязались платить ежегодную подать (т. н. «черный бор») и выплатили 8000 рублей.

В конце 1386 года Новгород посетил святитель Стефан, епископ Пермский, с жалобой на своеволие новгородской вольницы («ушкуйников»), разорявших поселения зырян по реке Вычегде. «Владыка Новгородский, посадник и бояре приняли Пермского святителя с честию и отпустили с великими дарами, и в то же время под строжайшею опалою запретили вольнице касаться пределов Усть-Вымской епархии» (22, с. 202).

Архиепископ Новгородский Иоанн II (1388—1415), избранный на святительскую кафедру из игуменов Хутынского монастыря, был, по отзыву современников, «муж благий и кроткий, тихий и смиренный и зело боящийся Бога» (22, с. 209). В хиротонии его, совершенной в московском Кремле, в церкви святого архистратига Михаила, принимали участие Митрополит Московский Пимен (1382—1385, 1388—1389) и несколько архиереев — Смоленский Михаил, Звенигородский Даниил, Сарайский Савва, Рязанский Феогност.

Вступление Владыки Иоанна II на новгородскую кафедру пришлось в тяжелое время пожаров и стихийных бедствий в Новгороде: огнем была опустошена вся Торговая сторона, город сильно пострадал от бури. Произошла и распря горожан между собой, продолжавшаяся две недели, пока не был избран новый посадник. В 1388—1389 гг. в Пскове открылось страшное моровое поветрие (чума); умерших было так много, что город обезлюдел. Желая успокоить псковичей, архиепископ Иоанн отправился к ним. И «молитвою его, — замечает летописец, — преста (прекратился) мор» (ПСРЛ, т. 4, с. 96).

В следующем, 1390 году болезнь посетила и Новгород. От морового поветрия умирало множество народа... Как и в Пскове, болезнь обнаруживалась появлением железы, ознобом, жаром и кровохарканием; через три дня больные умирали.

По совету Владыки Иоанна приунывшие новгородцы, чтобы утолить гнев Божий, дали обет построить обыденную (в один день) церковь. 12 октября 1390 года был за один день сооружен деревянный храм, освященный архиепископом Иоанном во имя святителей Афанасия и Кирилла Александрийских. После этого «Божиею милостию и Святыя Софии стоянием, и владычним благословением и молитвою мор прекратился» (ПСРЛ, т. 3, с. 95; т. 4, с. 97 и 139).

В период святительства Владыки Иоанна значительно возросла угроза Новгороду со стороны Литвы.

По свидетельству летописца, великий литовский князь Витовт «помыслил тако: хотел пленити Русскую землю, и Новгород, и Псков». Несмотря на неоднократные столкновения, когда Новгород и Литва находились в состоянии войны (1399—1400 гг., 1412—1414 гг.), архиепископу Иоанну удалось отстоять неприкосновенность новгородских границ.

По отношению к Москве Владыка Иоанн проявил себя как убежденный сепаратист, сторонник независимого и вольного Новгорода. Он отверг притязание Митрополита Московского Киприана, посетившего Новгород в феврале 1391 года, вершить владычный суд над новгородцами, хотя этого требовал и великий князь. Архиепископ Иоанн благословил в 1398 году новгородцев, когда они вступили в борьбу с Москвой за свои пригороды и волости на Двине. Новгородская рать из 3 тысяч воинов разгромила северные волости великого князя и расправилась с мятежниками в г. Орлеце. Новгород сумел отстоять богатейшее из своих владений (43, с. 90). Не удивительно, что в 1401 году, вызванный Митрополитом Киприаном в Москву, архиепископ Иоанн подвергся опале и в течение трех лет был задержан в московском Никольском монастыре. По мнению Н. М. Карамзина, он был задержан Митрополитом Киприаном по повелению великого князя Василия Дмитриевича, так как Владыка Иоанн слишком ревностно ходатайствовал за гражданские права своей новгородской паствы (2, т. 5, с. 105, и примеч. 194).

Новгородский летописец, описывая заточение архиепископа Иоанна, винит в нем, однако, самого Митрополита Киприана (ПСРЛ, т. 4, с. 107 и 144). 15 июня 1404 года Владыка Иоанн, к великой радости новгородцев, возвратился в родной город, в котором отсутствовал 3 года 3 месяца и 3 недели. Его отсутствие не прошло бесследно. За это время в Новгороде и Пскове укрепилась ересь «стригольников».

Вскоре по возвращении Владыки Иоанна в Новгород митрополит Киприан скончался († 1406). «Со смертию его, кажется, кончились и недружелюбные отношения Москвы» (22, с. 222). За все последующие годы своего правления Владыка Иоанн лишь однажды, в 1411 году, посетил Москву, чтобы представиться новому Митрополиту Московскому Фотию (1410—1431).

В историю Новгорода Владыка Иоанн II вошел как достойный архипастырь, неусыпно заботившийся о построении храмов и монастырей. После пожара 1394 года он отстроил архиепископский двор; в 1398 году возвел каменный надвратный храм в честь Воскресения Христова в новгородском Кремле, а в 1399 году — новый каменный Покровский храм на Зверинце. Сохранилась следующая молитва Владыки Иоанна, прочитанная им во время освящения храма:

«О Пречистая Царице Богородице, Мати Христа Бога нашего! Соблюди церковь Свою недвижиму о Имени Твоем, Госпоже, святем, и неразрушиму до скончания всего мира; приими, Царице, молитву раба Своего Иоанна архиепископа, подая ему милость и благословение духовное, еже о пастве словесного стада Христова; и дай ему, Госпоже, зде живот многолетен, со всеми его детьми в Новгородци и послужившими о храме Твоем, Госпоже, святем, а во оном веце сподоби, Госпоже, одесную стояния Сына Твоего и Бога нашего, по Своей великой милости» (ПСРЛ, т. 3, с. 100; т. 4, с. 104 и 142).

В 1406 году в Неревском конце был сооружен храм во имя святых апостолов Петра и Павла, классический памятник новгородского зодчества периода расцвета. «Практичность новгородского архитектурного мышления сказалась в неодинаковости убранства фасадов: обращенный в поле северный и выходящий к Волхову восточный фасады решены довольно скромно, зато западная и южная стены поражают разнообразием декора» (121, с. 129).

В 1407 году сооружен каменный храм во имя святого Власия на Велесовой (Волосовой) улице, — одноапсидный храм с трехлопастным завершением фасадов, что является характерной особенностью новгородского зодчества конца XIV — начала XV века (верхние части стен, своды и барабан с главой восстановлены после Великой Отечественной войны).

В том же году по благословению Владыки Иоанна были возведены каменный Преображенский храм на Видогощи и церковь во имя святителя Николая Чудотворца на Веренде (при обоих храмах тогда же устроены иноческие обители); в 1411 году — каменный храм во имя святых мучеников Гурия, Самона и Авива, в 1413 году — каменный собор во имя святого Архангела Гавриила. Перечень основанных Владыкой Иоанном монастырей включает в себя: Лисицкий (1388), Сокольницкий девичий (1389), Никольский на скудельнице (1390), Успенский (1392), Космодамиановский (1394), Росткин женский (1406), Евфимиев женский (1314). «От этих святых обителей, после многократных опустошений Новгорода Иоанном Грозным, а потом шведами, не осталось и следов»... (22, с. 227).

За пределами самого Новгорода по благословению Владыки Иоанна были основаны следующие монастыри: Коневский на Ладожском озере (1398), Никольский в Папоротне (1403), Никольский Вяжищский (1411), Никольский в Мостищах (1412). Особое попечение прилагал Владыка Иоанн о Софийском соборе. По его распоряжению был покрыт свинцом купол собора, а затем и вся его кровля (1396); впоследствии центральная глава собора была позолочена (1408). Автор «Повести о Ионе, архиепископе Новгородском» усвоил Владыке Иоанну замечательный эпитет: «блаженный Иоанн, иже позлати верх святей Софии» (7, с. 28—29)[12].

Владыка Иоанн оказывал покровительство преподобному Савве Вишерскому († 1461, память 1 октября), ездил его навестить и постоянно посылал ему все необходимое для обители. Покровительством Владыки пользовался, по-видимому, и преподобный Михаил Клопский († ок. 1453—1456, память 11 января), в 1408 году поселившийся в Клопском монастыре.

Достигнув глубокой старости, Владыка Иоанн принял схиму; в январе 1414 года он ушел со святительской кафедры, поселился в Деревяницком монастыре, где и преставился 24 июня 1417 года, в праздник Рождества святого пророка Иоанна Предтечи. В истории Новгородской Церкви он оставил по себе самую добрую память, хотя и не был впоследствии канонизован.

Святитель Симеон архиепископ Новгородский (1415—1421) был избран на кафедру из простых монахов (в иночестве Самсон). Прибыв в Москву для поставления во епископа 25 февраля, он пробыл в столице до конца марта. 15 марта Митрополит Московский Фотий возвел его в сан иеродиакона, 21 марта рукоположил во иеромонаха, а на следующий день хиротонисал в сан архиепископа и нарек Симеоном.

Первым делом нового Владыки по возвращении в Новгород было возведение «своим стяжанием» (то есть, за счет архиепископской казны, использовавшейся для государственных нужд) двух каменных храмов — во имя святителя Петра, Митрополита Московского, и во имя святой великомученицы Анастасии-узорешительницы (ПСРЛ, т. 3, с. 106).

Интересно отметить, что при святителе Симеоне в Новгороде для иностранцев был построен новый католический храм (62, с. 220).

Святитель Симеон, как и его предшественник, явился свидетелем многих бедствий. Страшное моровое поветрие вновь поразило Новгородскую землю... По словам немецкого историка Кранца, которого цитирует Н. М. Карамзин, «люди, ходя, падали и в одну минуту испускали дух; здоровые шли погребать умерших, и, внезапно лишаясь жизни, в той же могиле сами были погребаемы» (2, т. 5, с. 124—125). Ужасное бедствие, казалось, невозможно остановить...

Святитель Симеон стал обходить город во главе крестных ходов, останавливаясь в храмах для коленопреклоненной молитвы. По его призыву новгородцы в один день возвели два обыденных храма — во имя святой мученицы Анастасии и во имя святого пророка Илии. «Кающаяся любовь не обманулась в надежде: мор ослабел» (22, с. 233).[13]

В 1418 году святитель Симеон во время кровопролитного побоища жителей Торговой стороны с жителями Софийской стороны, когда в городе начался грабеж и распря переросла в настоящий бунт («восстание Степанки»), вмешался в эту смуту и остановил ее словом святительского увещания. Став посредине моста через Волхов, Владыка начал благословлять обе стороны. Тотчас же шум и волнение стихли. При виде плачущего святителя новгородцы пришли в смущение и устыдились. «Идите, дети, в домы свои с Богом и с миром!» — вещал им добрый архипастырь. Недавние противники, вняв этим словам, разошлись в тишине и умиротворении. Летописец так характеризует святителя Симеона: «Умел правити люди и поучати словесы духовные, своею кротостию, иные же обличением, иные же запрещением, наипаче же сего брань крестом Господним и поучением укроти» (ПСРЛ, т. 3, с. 107—108; т. 4, с. 117—118).

Здесь следует сделать краткое отступление и сказать, что во время мятежей новгородское вече получало совсем иной характер, чем при обычном течении дел, когда вече законодательствовало и следило за ходом управления и суда.

При нормальном положении дел вече сменяло выборных сановников, которыми было недовольно; если затягивалась та или иная тяжба по вине судей, истец мог взять с веча так называемых «приставов», чтобы понудить суд решить дело в узаконенный срок. Выдающийся русский историк проф. В. О. Ключевский убедительно показал, что во время бунта «вече», преобразуясь в верховное судилище, получало не всенародный, а простонародный состав, становилось «односторонним»... (34, с. 111). Анархический его характер мог усилиться применением древних форм судопроизводства, например, сбрасыванием с моста в Волхов (что было остатком «испытания водой» как старинной формы суда Божия).

«Нельзя, конечно, — продолжает В. О. Ключевский, — назвать прочным общественный порядок, который приходится поддерживать средствами анархии; но у Новгородского веча мятеж был единственным средством сдерживать правительство, когда оно, по мнению народа, угрожало народному благу» (34, с. 112). таким образом, вече спускало своего рода предохранительный клапан. Что касается мнимой «непрочности», то пять столетий существования теократической вечевой республики в Новгороде говорят сами за себя.

В 1419 году святитель Симеон предпринял поездку по Карельской земле. «Причина этого нелегкого путешествия не объяснена летописцем, но, вероятно, оно было предпринято частию для утверждения карелов в Православии, частию по случаю ссоры мурман или норвежцев с заволочанами и для умиротворения враждующих» (22, с. 235—236).

В следующем году святитель Симеон содействовал заключению мирного договора Новгорода с Ливонией при Нарове, на прежних условиях времен Александра Невского.

Незадолго до кончины святителя Симеона Новгород испытал еще два стихийных бедствия: небывалые снегопады зимы 1421 года вызвали сильное наводнение, снесшее волховский мост и затопившее город; несчастье вскоре усугубилось грозовыми ливнями с крупным градом... «При всех этих народных бедствиях Владыка Симеон оказывал примерную заботливость о своей пастве» (22, с. 239). Он мирно почил о Господе 19 мая 1421 года, оплакиваемый всеми новгородцами. Через 40 лет после кончины святителя Симеона, в 1462 году над его гробом (и гробом святителя Мартирия) совершилось чудесное знамение: выступила кровь, как бы предвещая чудовищный террор, воздвигнутый в Новгороде Иоанном Грозным в следующем столетии.

Архиепископ Новгородский Евфимий I Брадатый (1423—1428) оставил о себе добрую память возведением каменного храма во Имя Всемилостивого Спаса. В 1426 году Дания и города Ганзейского союза, начавшие войну друг с другом, пытались вовлечь Новгород в военный конфликт на своей стороне. Владыка Евфимий отклонил требование Ганзы объявить войну Дании и игнорировал требование датского короля — арестовать находившихся в Новгороде ганзейских купцов. Таким образом, он проявил очевидную политическую мудрость. Документы, исследованные проф. А. Никитским, свидетельствуют, что Новгородский Владыка старался не допускать проявления вражды к иноземцам (см. 18).

Не будучи чужд сребролюбия, архиепископ Евфимий I не пользовался популярностью у новгородцев; в летописях даже ничего не сказано о месте его погребения. «Можно предполагать, — считает протоиерей П. Тихомиров, — что едва ли он был удостоен погребения в Софийском храме наряду с доблестными предшественниками...» (22, с. 243—244).

Святитель Евфимий II, архиепископ Новгородский (1429—1458), вошел в отечественную историю как великий миротворец, строитель и благоукраситель Новгородской земли.

В 1430 году по его благословению новгородцы укрепили крепостной стеной г. Порхов, имевший важное стратегическое значение для обороны от Литвы.

В 1431 году Новгород отправил посольство в Вильну (ныне Вильнюс) во главе с боярином Борисом Юрьевичем, которое заключило мирный договор с литовским князем Свидригайлом на следующих условиях: «Новгородцам свободная торговля по всем литовским владениям, а подданным Литовского государя свободная торговля по всем новгородским владениям; неприкосновенность границ новгородским и литовским владениям по старому рубежу» (11, с. 470).

Заручившись этим договором и обеспечив спокойствие новгородских границ, святитель Евфимий приступил к внутреннему устроению своей бескрайней республики.

Благодаря выдающимся церковно-административным способностям святитель Евфимий пользовался непререкаемым авторитетом в Новгороде. Ему удалось создать атмосферу общественного единства, согласия и инициативы, что явилось необходимым условием для осуществления грандиозных строительных начинаний. Во всяком случае, в период святительства Евфимия, судя по летописям, «мы не имеем прямых известий о какой-либо разладице новгородцев между собою; по-видимому, там будто бы не было партий и все действовали заодно» (11, с. 476). Под руководством святителя Евфимия развернулись огромные ремонтно-реставрационные и строительные работы. В 1431 году были устранены последствия прошлогоднего пожара, от которого сильно пострадали владычный двор на Софийской стороне и храм во имя святителя Иоанна Златоуста. На княжеском дворе был воздвигнут каменный храм во имя Святых отцов (вместо упавшего старого), а в следующем, 1432 году сооружена деревянная церковь во имя святых Двенадцати апостолов на Чудинцевой улице. При церкви святитель Евфимий основал обитель, близ общих могил (скудельниц), в которых погребали неимущих и убогих (ПСРЛ, т. 3, с. 110, 238).

Летописцы с удовлетворением подчеркивают, что святитель Евфимий имел особое усердие к построению и восстановлению храмов Божиих, ревнуя о славе Господней. Свидетельства летописей подтверждают современные ученые, указывающие, что почти каждый год святительства архиепископа Евфимия был ознаменован сооружением, реставрацией и украшением храмов. Деятельность святителя Евфимия II, — считает Н. Г. Порфиридов, — в данном отношении напоминает строительную деятельность некоторых римских пап: «Евфимий осуществлял необычайно широкое храмоздательство, для которого были тесны рамки города: оно распространялось на загородные монастыри — Вяжищский, Хутынский и даже на другие города Новгородской земли, как, например, Старую Руссу» (49, с. 263).

В 1433 году святитель Евфимий соорудил большую парадную постройку, названную летописцем «палатой», — сложнейшее сооружение поздней готики, изумлявшее современников замысловатостью внутреннего устройства (в палате было 30 дверей). Здесь под председательством Архиепископа Новгородского заседал высший исполнительный орган Новгородской теократической вечевой республики — Совет господ. Остатком этого главного комплекса Владычного двора является дошедшее до нас здание, известное как «Грановитая палата» (ныне здесь музей с постоянной выставкой «Декоративно-прикладное искусство Новгорода»).

В сооружении Грановитой палаты вместе с русскими зодчими и мастерами принимали участие и немцы, приглашенные святителем Евфимием из прибалтийских ганзейских городов. В то время Новгород, как уже говорилось, поддерживал весьма тесные экономические и культурные связи с Западной Европой.

Выдающийся агиограф и церковный писатель иеромонах Пахомий Логофет Серб, прибывший на Русь с Афона и несколько лет живший в Новгороде при дворе святителя Евфимия, так характеризует своего патрона: «...От странных же или от туждих стран приходящих — всих любовию миловаше... и не токмо же сия едина в Новеграде бываху, но паче рука его бяше простерта повсюду даянием не токмо до Константина града или Святыя горы, но и до самого Иерусалима и далее» (цит. по: «Записки Императорского Новороссийского университета». Т. 6. Одесса, 1871, с. 44).

С помощью зарубежных мастеров была, по всей вероятности, сооружена также башнеобразная Часозвоня в 1436 году. Часозвоня первоначально использовалась как дозорная башня и смотровая вышка Владычного двора[14]. Она представляла собой высокий столп, «прародитель знаменитой колокольни Московского Кремля, Ивана Великого, и других столпообразных колоколен» (39, с. 79). Так как Часозвоня не предназначалась для церковного звона (ее часы лишь отбивали суточное время), святитель Евфимий в 1439 году воздвиг напротив Софийского собора звонницу, на месте разрушившейся в 1437 году (во время большого весеннего разлива Волхова) старой. Звонница эта, сохранившаяся до наших дней (в XVI веке она была перестроена), имеет вид стены, на которую поставлены шесть столбов (первоначально их было четыре), связанных арками[15]. «Софийская звонница послужила образцом для построек такого рода в других городах — Москве, Ростове и Тихвине» (121, с. 116).

В 1436 году святитель Евфимий заложил церковь во имя святителя Николая Чудотворца в Вяжищском монастыре, которая неожиданно рухнула на следующий год. Но это не остановило святителя. В том же 1437 году он воздвиг в Вяжищах величественный каменный храм и сам освятил его во имя святителя Николая. Тогда же на Владычном дворе в Новгороде была расписана надвратная церковь во имя святителя Иоанна Златоуста и заложен каменный храм во имя святителя Петра, Митрополита Московского (ПСРЛ, т. 3, с. 112; т. 4, с. 122).

Через два года в Вяжищском монастыре, который святитель Евфимий особенно любил (здесь он принял иночество), была возведена трапезная с различными пристройками. «Нельзя исчислить все те сокровища, — пишет протоиерей П. И. Тихомиров, — которые употребил святитель Евфимий на украшение монастыря; туда он жертвовал большую часть святительских доходов и все приносимые ему дары; бояре Великого Новгорода, видя его усердие к обители Вяжищской, туда же приносили богатые вклады, а боярам подражал и народ, по любви к своему добродетельному пастырю» (22, с. 253).

В 1439 году по благословению святителя Евфимия был произведен внешний ремонт Софийского собора (штукатурка и побелка). В самом соборе были позлащены гробы святого благоверного князя Новгородского Владимира Ярославича († 1052) и его матери Анны, обновлены надписи на гробах.

Тогда же софийский пономарь Аарон, вероятно, возглавлявший артель иконописцев (см. 80, с. 67), стал свидетелем чудесного знамения, о котором повествует Новгородская летопись («Сказание о видении софийского пономаря Аарона...»): он увидел ночью, как сами собой отворялись двери Корсунского и Мартириевского приделов, и из притворов Софийского собора шествовали в алтарь через царские врата прежде почившие и погребенные архиереи... Затем они вышли в полном облачении из алтаря и совершили молебное пение. Святитель Евфимий истолковал это чудесное явление как призыв свыше напомнить новгородцам об их достойных архипастырях и совершить их прославление. В том же 1439 году он совершил канонизацию (местную) Новгородских святителей, соборная память которых была установлена 4 октября и 10 февраля.

Архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский) указывает следующих святителей, прославленных в 1439 году: епископ Иоаким Корсунянин, первый епископ Новгородский (988—1030); епископы Лука († 15 октября 1060); Герман (1078—1096); Аркадий (1157—1162, память 18 сентября); архиепископ Иоанн (Илия) (1163—1186); архиепископы Гавриил (Григорий) (1187—1193, † 24 мая 1193); Мартирий (1193—1199, † 24 августа 1199); Антоний (1212—1220, 1226—1228, † 8 октября 1231); Василий Калика (1331—1352, † 15 июня 1352); Симеон (1416—1421, † 15 июня 1421) (10, с. 173). Впоследствии, в период между московским церковным Собором 1549 года и учреждением Синода при Петре I, были причислены к лику святых еще два новгородских архиепископа: святитель Геннадий († 1505) и святитель Пимен († 1571) (30, с. 157)[16].

В 1440 году святитель Евфимий возвел новый каменный храм во имя святой Анастасии, а через год — храм во имя святых страстотерпцев Бориса и Глеба в Околотке, на старом фундаменте (ПСРЛ, т. 3, с. 113; т. 4, с. 122). Здесь будет уместно сказать, что существенная особенность храмоздательства Новгородского Владыки заключалась в восстановлении древних храмов (XI—XII вв.) или строительстве новых «на старой основе», с намеренным воссозданием их первоначального облика, то есть, с реставрационными задачами. Так был перестроен в 1453 году храм во имя святого пророка Иоанна Предтечи «на Опоках» — разобран и в течение 3 месяцев возведен вновь на прежнем фундаменте, с использованием части стен, сохранивший не только плановое решение XII века, но и первоначальную композицию фасадов (64, с. 11). Усиленное возобновление древних храмов в Новгороде характерно в течение всего XV столетия. В летописных сообщениях об их перестройке часто подчеркивается сохранение оснований прежних строений. «По-видимому, дело заключается не только в том, чтобы использованием прежних фундаментов облегчить строительные работы», — считает Ю. Н. Дмитриев (44, с. 121). Выдающийся исследователь Новгорода Н. Г. Порфиридов (1893—1980) подчеркивает: «Можно говорить именно о сознательной линии, так как эта деятельность не исчерпывалась одним или двумя фактами, которые можно было бы счесть случайными. Восстановление Спаса-Преображенского собора 1198 г. в г. Старой Руссе (1442), церквей Бориса и Глеба и Жен Мироносиц XII в. в Новгороде (1445), церкви Ивана на Опоках 1127—1130 гг. (1454), церкви Ильи пророка на Славне 1198 г. (1455), церкви Богородицы на Торгу (1458) — вот неполный перечень реставрационных предприятий Евфимия» (49, с. 263)*.

К 1454 году относится строительство храма во имя святых Двенадцати Апостолов в Загородном конце Новгорода. «Облик храма мягче, женственнее, чем у построек более раннего времени», — отмечают современные исследователи (121, с. 126).

Принципиально воздерживаясь от вмешательства в междоусобную распрю великого князя Василия II со своим двоюродным братом Дмитрием Юрьевичем Шемякой, святитель Евфимий

* Продолжение этого перечня, а также более подробный рассказ о храмоздательстве святителя Евфимия см. в «Богословских трудах», сб. 24, с. 283—288.

отстаивал собственные интересы Новгорода. Но он не мог нарушить старинного обычая новгородцев — предоставлять политическое убежище беженцам и изгнанникам, поэтому не отказывал побежденному Шемяке искать пристанища на Новгородской земле (князь Дмитрий Шемяка умер в Новгороде в 1453 году и был похоронен в Юрьевом монастыре). Не отказывал он в этом и сторонникам Василия II, когда тот был в заточении в Угличе (1446).

Вновь утвердившись в феврале 1447 года на великокняжеском престоле в Москве, Василий II поспешил вступить в сношения с Новгородом и встретил у святителя Евфимия полное взаимопонимание. Новгородское посольство, отправленное святителем Евфимием и новгородскими посадниками в Москву, признало Василия II своим князем по старине, а Василий II «целовал к Новгороду крест» на тех же условиях, как и его предки. Судя по договорной грамоте 1447 года, великий князь не налагал на Новгород никаких новых обязанностей и не требовал никаких уступок (11, с. 488).

В 1456 году, однако, Василий II нарушил договор и предпринял военный поход на Новгород, весьма кратко описанный в Софийской I-й и II-й и в Новгородской IV-й летописях. При этом, увы, Василий II прибег к помощи полка служилых татар во главе с сыном хана Мамотяком. Невольно вспоминаются упреки, предъявленные Василию II десятью годами раньше князем Дмитрием Шемякой: «Чему еси татар привел на Русскую землю, и городы дал еси им, и волости подавал еси в кормление?..» (ПСРЛ, т. 4, ч. 1, с. 443).

Заняв Старую Руссу, войска Василия II вместе с татарским полком «много зла учиниша, сребра, и злата, и порт, и всякого товара много пограбиша, а рушан [жителей Старой Руссы] почаша имати и бити и животов у них сочити» (ПСРЛ, т. 16, с. 194). Узнав об этом, новгородское войско во главе с В. В. Шуйским поспешило на выручку своим согражданам. Бой начался удачно для новгородцев, но татары прибегли к недозволенному приему — стали стрелять в коней, и таким образом опрокинули новгородскую конницу. В это время к Старой Руссе подошел свежий московский полк. Новгородцы были окружены, многие убиты, часть попала в плен, остальные обратились в бегство. Узнав об этом поражении, новгородский князь А. В. Чарторыйский, задержавшийся со своим войском в Липне, повернул к Новгороду (69, с. 819).

В Новгороде было собрано вече. По благословению святителя Евфимия, стремившегося избежать братоубийственной войны, было принято решение отправить к Василию II делегацию для переговоров. Ее возглавил сам святитель.

В 150 верстах от Новгорода в местечке Яжелбицы в результате переговоров святителя Евфимия с Василием II был заключен Яжелбицкий договор. По мнению Л. В. Черепнина, этот договор стал «поворотным моментом в развитии московско-новгородских отношений» (69, с. 821). Помимо значительной контрибуции (10 000 рублей) святитель Евфимий принял условия, ограничивающие новгородскую «старину» в интересах великокняжеской власти: отмену вечевых грамот и замену новгородской печати печатью великокняжеской, то есть, ограничение законодательных прав и права независимого ведения внешней политики; кроме того, Новгород вынужден был отказаться от старинной привилегии — давать убежище побежденным и изгнанным. Новгородцы отпустили всех московских пленников. В свою очередь, Василий II отпустил всех новгородских пленников и пошел на некоторые уступки: возвратил Новгороду Торжок со всеми волостями и те волости, которые он занял в Заволочье.

Несмотря на серьезное ущемление в правах, по Яжелбицкому договору, «Новгород еще удерживал свою самостоятельность и самоуправление, его старое устройство еще оставалось большею частью неприкосновенным, даже границы Новгородских владений от Московской стороны получили твердое определение и были восстановлены во всей прежней полноте», — полагает историк прошлого века И. Беляев (11, с. 494).

Современный исследователь считает, что Яжелбицкий договор не мог надолго урегулировать отношения между Москвой и Новгородом, которые продолжали оставаться неустойчивыми и напряженными (69, с. 821).

В 1458—1459 гг. Новгородское правительство пытается заручиться поддержкой Литовского государства.

По просьбе новгородского посадника Ивана Лукинича Щоки, литовский король Казимир IV прислал в ноябре 1459 года в качестве служилого князя для новгородских «пригородов» (Старой Руссы, Ладоги и др.) своего ставленника — князя Юрия Семеновича. Следует сказать, что эти действия не получили санкции святителя Евфимия, — его уже не было в живых: 11 марта 1458 года святитель Евфимий преставился ко Господу, оплакиваемый «всенародным множеством» (22, с. 274).

У нас нет сомнений, что он не одобрил бы такого сближения Новгорода с Литвой, какое влечет за собой ухудшение новгородско-московских отношений.

Преемником святителя Евфимия явился *святитель Иона (1458—1470)*, бывший игумен Отенского монастыря (в миру Иоанн). В 1403 году, когда он был еще отроком, блаженный Михаил Клопский взял его за волосы и, приподняв, предрек: «Иванец, учись книгам прилежно, ты будешь архиепископом Новгорода» (ПСРЛ, т. 3, с. 235). Достигнув совершеннолетия, Иоанн поступил в Отенскую пустыню, где принял иноческий постриг с именем Иона. Кротостию и послу-

шанием, подвигами поста и молитвы, безропотным перенесением всех трудов он снискал себе любовь братии; после кончины архимандрита Харитона игуменом Отенской обители был единодушно избран Иона.

Его подвижническая жизнь была хорошо известна в Новгороде, несмотря на отдаленность Отенской пустыни. После кончины святителя Евфимия богобоязненный Отенский игумен был единодушно избран на осиротевшую кафедру. Так сбылось пророчество преподобного Михаила Клопского.

В феврале 1459 года святитель Иона отправился в Москву и принял хиротонию в сан архиепископа Новгородского от соименного ему святителя Ионы, Митрополита Московского.

Новопоставленный архиепископ, по выражению его деепи сателя, «был так украшен добродетелями и такою любовию ко всем была преисполнена его душа, что в лице его, казалось, восстал не только недавно почивший святитель Евфимий, но и все прежде почившие святители Новгородские. Помня свое сиротство, он был всегдашним заступником и помощником всех сирот и сострадательным утешителем беспомощных вдовиц... В суде его было столько же правды, не взирающей на знатность и богатство, сколько и снисхождения к немощам» (22, с. 275).

Выдающиеся личные качества новгородского святителя высоко ценились в Москве, его нравственное влияние благоприятно сказывалось на отношении великих князей Московских — Василия Темного и его сына Иоанна III к Новгороду, верным ходатаем и заступником которого был святитель Иона. Верой и правдой служил он и Москве. Когда в январе 1460 года в Новгород приехал «на богомолье» великий князь Василий II с сыновьями Юрием и Андреем, новгородские бояре составили тайный заговор против великого князя. Но их остановил и вразумил святитель Иона.

Во время этого мирного посещения Новгорода скончался постельничий великого князя отрок Григорий Тумчен. Когда его положили у раки со святыми мощами преподобного Варлаама Хутынского, отрок внезапно ожил. По просьбе святителя Ионы бывший тогда в Новгороде ученый писатель Пахомий Лагофет (Серб) дополнил Житие преподобного Варлаама Хутынского описанием этого чуда. По благословению святителя Ионы Пахомий Лагофет написал также Житие святителя Евфимия, архиепископа Новгородского, Похвальное слово на Покров и Службу преподобному Антонию Печерскому (Священник *В. Яблонский*. «Пахомий Серб и его агиографические писания». СПб., 1908, с. 17—18).

После кончины великого князя Василия Темного в 1462 году на великокняжеском престоле утвердился его старший сын Иоанн III (1462—1505), еще при жизни родителя бывший ему соправителем. В следующем году святитель Иона отправился в Москву, где был с должными почестями принят новым великим князем и новым митрополитом Феодосием (1461—1464). Святитель Иона подтвердил несомненное исполнение своего предсказания о полном низложении власти ордынских ханов в скором времени, данное Василию II, и напомнил о его завещании не требовать с Новгорода дани для Орды.

По возвращении из Москвы, около 1463 года, святитель Иона завершил возведение надвратного храма во имя Преподобного Сергия Радонежского в новгородском Кремле. Посвящение храма великому игумену Земли Русской, вдохновителю ее единства, безусловно, свидетельствует о московской ориентации святителя Ионы. Фресковая роспись храма иллюстрировала житие Преподобного Сергия, который был прославлен сравнительно незадолго пред тем, в 1422 году (в Новгороде до той поры, однако, не было ни одного храма во имя Преподобного Сергия)[17].

В том же 1463 году по благословению святителя Ионы в Новгороде был сооружен каменный храм во имя святого праведного Симеона Богоприимца в Зверинском монастыре.

В 1464 году Митрополит Московский Феодосий (1461—1464) обратился с посланием к Великому Новгороду и Пскову с просьбой о милостыне для храма Святого Гроба в Иерусалиме, чтобы собрать выкуп для турецкого султана, который обещал не разорять храма и не ставить на его месте мечети, если христиане соберут 6000 золотых: «По сему, чада мои, пишу вам и благословляю вас, имея попечение о животворящем Христове Гробе, и о искуплении его, и о великом исправлении Святого храма Воскресения Христова (после сильного землетрясения), и о многом стяжании, и писал к вам о милостыни, как детям моим духовным»... («Сношения России с Востоком по делам церковным». М., 1858, с. 10). Необходимые средства были собраны с помощью святителя Ионы.

Судя по всему, он в свою очередь пользовался неизменной поддержкой великого князя Иоанна III и Митрополита Феодосия. Когда в том же 1464 году псковитяне обратились к ним с просьбой учредить в Пскове независимую от Новгорода епископскую кафедру, они получили отказ (ПСРЛ, т. 4, с. 226—229). В сентябре 1465 года псковитяне возобновили с новгородцами прежний договор, признав свою зависимость от Новгородского архиепископа.

Особое попечение проявлял святитель Иона об Отенской обители, в которой соорудил новый каменный храм во имя Трех Святителей и великолепно его украсил. Затем он выстроил в обители еще два храма — во имя пророка Иоанна Предтечи и во имя святителя Николая Чудотворца.

Выдающийся исследователь Новгорода академик В. Л. Янин установил, что в это время в *Новгороде было 82 больших храма, 79 придельных церквей, 2 загородные церкви — всего 163* престола; не учитывая множества монастырей (в Новгороде и его окрестностях было 55 монастырей), определение штата духовенства по вседневным службам дает внушительную цифру в 220—250 клириков, а общую численность новгородского клира можно оценить примерно в 450 человек (106, с. 116—117).

Другой специалист по Новгороду И. И. Кушнир указывает, что город окружали три кольца монастырей: в первое кольцо, в 2—3 км от Новгорода, входили Успенский — в Колмове, Никольский — в Мостищах, Успенский и Благовещенский — в Аркажах, Пантелеймонов, Нередицкий, Лятский, Ситецкий, Малокирилловский и другие; второе кольцо, в 5—6 км от Новгорода, включало Никитский, Сырков, Перынский, Шилов, Сковородский, Ковалевский, Волотовский, Липецкий, Деревяницкий монастыри; третье кольцо, простиравшееся в 10—12 км от Новгорода, составляли Вяжищский, Троицкий, Коломенский, Николо-Липецкий, Кунинский, Хутынский монастыри (128, с. 29).

Летопись святительства архиепископа Ионы была бы неполной, если не упомянуть о моровом поветрии в Новгороде осенью 1466 года. Святитель Иона денно и нощно молился об избавлении бедствующего града. По милости Божией Новгороду был явлен чудотворный образ святого *пророка Симеона Богопринимца. После того, как в его честь была возведена обыденная церковь*, мор прекратился. В 1468 году вместо деревянной церкви святитель Иона соорудил каменный храм во имя пророка Симеона (ПСРЛ, т. 3, с. 141; т. IV, с. 127).

Следует сказать также и о заботах святителя Ионы относительно Соловецкого монастыря. Преподобный Зосима Соловецкий († 1478, память 17 апреля), один из основателей Соловецкой обители, получил от Владыки Ионы жалованную грамоту.

5 ноября 1470 года святитель Иона мирно почил о Господе и был погребен в Отенской обители.

С кончиной святителя Ионы летописи связывают окончательный разлад московско-новгородских отношений. 8 ноября, на четвертый день после кончины святителя, в Новгород из Литвы приехал князь Михаил Олелькович. Власть в Новгороде захватила боярская партия во главе со вдовой посадника Исаака Борецкого Марфой, замыслившей отторгнуть Новгород от Москвы. Сообщником Марфы Борецкой стал ключник Софийского собора монах Пимен, мечтавший сделаться новгородским архиепископом, назначенным из Киева. Успев «татьством» (то есть воровством) обогатиться из архиепископской казны, Пимен передал много золота Марфе Борецкой. Летопись сообщает, что Марфа Борецкая раздавала деньги «черным людям», желая задобрить *их и, переманив на свою сторону, заручиться их голосами на вече. С отъездом из Новгорода* князя Михаила Олельковича (в марте 1471 года) политическое противоборство различных партий здесь не прекратилось.

После кончины святителя Ионы кандидатами на архиепископскую кафедру Новгорода были избраны: духовник почившего Варсонофий, ключник монах Пимен и ризничий протодиакон Феофил. Выбор по жребию пал на Феофила. Таким образом, святитель Феофил (1470—1480) стал очередным и на этот раз последним архиепископом независимого Новгорода.

Приняв иноческое пострижение, он был наречен архиепископом и возведен «на Владычние сени». В Москву к великому князю и митрополиту отправился новгородский боярин Никита Саввин просить утверждения нового Владыки. Соответствующие грамоты были получены и доставлены в Новгород.

Нареченный архиепископ Феофил собрался было ехать в Москву для хиротонии, как вдруг в Новгороде вспыхнул мятеж. Главной виновницей мятежа явилась Марфа Борецкая. Несмотря на противодействие святителя Феофила, мятежники собрали вече, на котором большинством голосов (сказался подкуп «черных людей») приняли послание («договорную грамоту») к литовскому королю Казимиру IV, соглашаясь признать его власть. «По существу Новгород становился в такие же отношения к Казимиру, в каких он ранее находился к великим князьям московским» (51, с. 364), однако новгородским боярам, судя по тексту договора (1471) удалось добиться бóльшего ограничения прав Литовского князя в Новгороде по сравнению с правами князя Московского. Предательство по отношению к Москве было явное, хотя новгородцы и выразили желание непременно сохранить православную веру и право самостоятельно избирать себе архи*епископа (подразумевалось, что он будет утверждаться Митрополитом Московским)*.

Когда весть о мятеже дошла до Москвы, там подумали, что новгородцы не только хотят отложиться от Московского князя, но и перейти в католичество...

Последние дни независимости Новгорода были сочтены.

VIII. Присоединение Новгорода к Москве

«Волхов плещет, и бьется, и пенится
О ладьи москвитян острогрудые,
А на чистой лазури, в поднебесье,
Главы храмов святых, белокаменных
Золотистыми слезками светятся».

Л. А. Мей («Вечевой колокол»)

«В XV и даже в начале XVI века ход событий в России отличался еще такой нерешительностью, что оставалось неясным, который из двух принципов, определяющих жизнь народную и жизнь политическую в стране, возьмет верх: князь или община, — писал А. И. Герцен. — Свободный от монгольского ига, великий и могучий Новгород, привыкший считать себя суверенным, богатый благодаря оживленной торговле, которую он вел с ганзейскими городами, метрополия, имевшая широкую разветвленную сеть владений по всей России, — Новгород всегда ставил права общины выше прав князя» (Сочинения, т. 3. М., 1956, с. 403).

Именно поэтому в новых исторических условиях, когда централизация государства стала насущной необходимостью, непременным условием усиления Русской Державы, необходимым стимулом для развития единой национальной культуры, сепаратизм Новгорода, его стремление к замкнутому укладу жизни представляется историческим анахронизмом.

Вспомним, что во второй половине XV века централизация государств наблюдается во всей Европе: Людовик XI во Франции, Фердинанд Католик в Испании упрочили свои монархии, смирив непокорных феодалов; в это же время Габсбурги пытались объединить Германию; война Белой и Алой Розы в Англии сопровождалась усилением центральной власти. К этому времени на просторах Восточноевропейской равнины великие князья Московские почти завершили объединение великорусской народности — осталось лишь присоединить Новгород... Его полное присоединение к Москве, бесспорно, было исторической неизбежностью. «Равнина, — подчеркивает выдающийся русский историк С. М. Соловьев, — как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства» (цит. по: 40, с. 83).

«...Один Новгород, — писал Н. П. Огарев, — имея более средств откупаться, умел все время отлынивать от татар; но он не имел силу освободить Россию и следственно не мог занять первого места в Новом государстве. Освободить Россию можно было, только сосредоточив все силы; этого не мог сделать прибрежный торговый город. Центральная Москва сосредоточила силы на освобождение, она стала во главе государственной организации» (цит. по: 60, с. 149).

Важным экономическим фактором, предопределившим объединение Новгорода с другими русскими землями в конце XV века, явилось, безусловно, то обстоятельство, что новгородское население нуждалось в хлебе, привозимом, главным образом из Московских пределов. Прекращение этого подвоза было одним из эффективных средств, к которому прибегали великие князья, желая заставить новгородское правительство принять те или иные выдвигаемые перед ним политические предложения, — указывает Л. В. Черепнин (69, с. 385).

Действительно, недостаток в Новгородской земле зерновых продуктов был одной из главных причин, вынуждавших вольнолюбивых граждан вечевой республики подчиняться требованиям московских князей. Новгород не мог долгое время выдерживать «хлебной блокады» со стороны Москвы, прекращения торговых связей с остальной Русью. Один из пригородов Новгорода — Новый Торг (впоследствии Торжок) выдвинулся как раз благодаря хлебной торговле Новгорода с Тверью и Москвой. Интересно отметить, что в конце XV века слово «гость» (*гостями* обычно называли купцов, которые вели торговлю с зарубежными землями, а также иностранных купцов) употребляется новгородскими летописцами применительно к московским купцам, оно как бы срастается с определением «московский». *Московские гости* в *Новгороде* — это явление, очевидно, связано с усилением объединительной политики Ивана III (125, с. 32).

Вот как, в общих чертах, совершилось присоединение Новгорода к Москве.

В конце 1470 — начале 1471 года часть новгородской боярской верхушки во главе с вдовой посадника Марфой Борецкой вступила в сепаратные переговоры с великим князем Литовским Казимиром IV. Несмотря на сопротивление сторонников Москвы, в числе которых был новгородский архиепископ Феофил, вече приняло решение направить посольство к Казимиру IV. В составе посольства, побывавшего в Литве зимой 1470—1471 гг., находился и сын Марфы Борецкой — посадник Димитрий Исакович Борецкий. Посольство заключило с Казимиром IV договор, предоставлявший ему в Новгороде примерно такие же права, какие предоставлялись ранее великому Московскому князю: право посылать в Новгород своего наместника, собирать доходы с новгородских волостей, а также право суда. При этом особо оговаривались церковные дела: в Новгороде запрещалось строить католические храмы, наместник великого Литовского князя должен был непременно исповедовать Православие. Несмотря на сохранение православной

веры, этот договор фактически означал разрыв Новгорода с Москвой и его переход в вассальную зависимость от объединенного польско-литовского государства — Речи Посполитой.

Получив известие об этом договоре, великий князь Иоанн III перешел к решительным действиям. В марте 1471 года на большом совете, созванном Иоанном III, при участии московского Митрополита, нескольких епископов и удельных князей, было решено выступить в поход на Новгород. В июне московская рать перешла южные границы Новгородской земли и вскоре заняла Руссу. Необычно засушливое лето облегчило военные действия москвичей: реки и болота вокруг Новгорода, делавшие его в это время года почти неприступным, пересохли... Казалось, что сам Бог на стороне Москвы. К тому же Новгород неожиданно оказался в политической изоляции: Казимир IV, занятый внутренними проблемами, не прислал обещанной помощи, а Псков выступил на стороне Иоанна III. В самом Новгороде разгорелась острая борьба, в которой одержали верх Борецкие. Они сумели демагогическими лозунгами и посулами увлечь за собой значительную часть населения. Составилось весьма значительное по тем временам ополчение — около 30-40 тысяч воинов. Правда, в ополчении оказались и те, кто не хотел воевать с москвичами — их принудили силой. Поэтому, несмотря на многочисленность, оно было недостаточно боеспособным, не говоря уже о слабом духе войска: Новгородский святитель Феофил отказался дать ему свое благословение. Все это в значительной мере предопределило крах новгородцев. 7 июля в бою у Коростыни они потерпели первое поражение. 14 июля на реке Шелони новгородское ополчение было опрокинуто и разгромлено московской конницей. Летопись об этом сообщает очень кратко и выразительно: «Новгородцы же мало бившися и побегоша». Был пленен, а затем казнен сын Марфы Борецкой посадник Димитрий, убиты многие бояре. Так сбылось пророчество преподобного Зосимы Соловецкого, открытое ему в чудесном видении незадолго до того (в 1470 году, когда он входил в горницу Марфы Борецкой, приглашенный ею на обед, преподобный узрел сидевших за столом бояр обезглавленными).

В этой ситуации Иоанн III поступил весьма осмотрительно. Возможно, он был испуган чудесным знамением, совершившимся с ним в Хутынском монастыре[18].

Зная, что ломка вечевых традиций может вызвать восстание и смуту в Новгороде, он не спешил окончательно упразднить новгородскую независимость. Согласно мирному договору, заключенному между Москвой и Новгородом 11 августа в Коростыни, основные права и вольности Великого Новгорода оставались без изменений. Но Новгород должен был выплатить великому князю огромную контрибуцию — 16 тысяч рублей. Новгородцы обязывались прекратить всякие сношения с Литвой и уступить Москве обширные территории по реке Пинеге и реке Мезени.

Несмотря на столь жестокое поражение, партия Марфы Борецкой продолжала антимосковские интриги. В конце 1475 года Иоанн III счел необходимым лично вмешаться и, прибыв в Новгород, стал творить «суд и расправу» над своими явными и «потенциальными» политическими противниками. В числе осужденных и закованных в кандалы бояр оказался и младший сын Марфы Борецкой Феодор.

В феврале 1477 года Иоанн III открыто нарушил условия договора с Новгородом и вызвал к себе в Москву на суд некоторых посадников и бояр (он не имел на это права). К этому времени борьба между партией Борецкой и сторонниками Москвы в Новгороде достигла апогея. В марте того же года, по сообщению московской летописи, промосковская боярская группировка отправила к Иоанну III дьяка Захария Овинова и подвойского Назара, которые «били челом» великому князю и его сыну, величая их «государями» Великого Новгорода, то есть, новым титулом, ко многому обязывающим новгородцем!... Современный исследователь В. Ф. Андреев пишет: «Прежде в договорах великий князь именовался только «господином», а новгородцы — «мужами вольными». «Государем» Иван III считался по отношению к своим наследственным владениям в северо-восточной Руси. Такое посольство было на руку великому Московскому князю (возможно, он инспирировал его сам). Создавалась видимость, что сами новгородцы просят об установлении у них такой же формы правления («государства»), как и в других русских землях, подвластных Ивану III» (133, с. 137). Затея не удалась: в апреле 1477 года новгородское вече отвергло притязание Иоанна III на титул государя, с которым приехали в Новгород его московские послы; им было объявлено, что ссылка Иоанна III на «челобитье» Захария и Назара, якобы предложивших такой титул, — ложь...

После этого в Новгороде началось жестокое избиение сторонников Москвы... Часть из них бежала к великому князю. Партия Марфы Борецкой возобновила переговоры с Литвой. В этой ситуации Иоанну III, вероятно, ничего не оставалось, как предпринять новый поход на Новгород. В ноябре 1477 года московское войско, в которое вошли владимирские, суздальские, ярославские полки, а также ратники Пскова и некоторых других русских городов, перешло границы Новгородских владений. В конце ноября Новгород был осажден. В городе, переполненном беженцами, начался голод, стали свирепствовать эпидемии. Иоанн III приказал стрелять по городу из пушек (!). Отвергнув компромиссное предложение новгородских послов отдать Москве ряд волостей, великий князь потребовал полного уничтожения новгородского республиканского строя: «вечю колоколу в отчине нашей не быти, посаднику не быти, а государство все нам держати» (ПСРЛ, т. 6, с. 214). Узнав об этих требованиях, новгородцы всполошились; на вече раздались

голоса: «Требуем битвы!», «Умрем за вольность и Святую Софию!» Святитель Феофил остановил этот стихийный порыв, рассудив, что не время шуметь и волноваться, когда множество людей гибнет от голода и болезней... Новгородцы вынуждены были согласиться на условия великого князя. Новгородский князь Василий Васильевич Шуйский, «видев неустроение их [новгородцев] и великои мятежь», «сложил» с себя присягу Новгороду, «выеде вонь из града» и «челом бил и крест целовал» Иоанну III (69, с. 874). 10 января 1478 года святитель Феофил подписал и скрепил своей печатью крестоцеловальную запись. 22 января в Новгороде появились великокняжеские наместники (119, с. 193). 29 января Иоанн III торжественно, как победитель, вступил в Новгород. В московском летописном своде 1479—1480 гг. подчеркивается, что Новгород является исконным владением великих князей и приводится заявление Иоанна III о том, что «людие новгородстии» — это его отчина «изначала от дед и прадед наших».

Вскоре святитель Феофил, не переставший мужественно ходатайствовать за освобождение заточенных в Москве новгородских бояр, попал в опалу: 19 января 1480 года во время очередного наезда Иоанна III в Новгород он был арестован и отправлен в Москву, где его заточили в Чудовом монастыре. Богатейшая казна архиепископов Новгородских, хранившаяся в Софийском соборе, была конфискована великим князем. В Москве святитель Феофил «сидел полтретья года и преставился» в Чудовом монастыре (ПСРЛ, т. 6, с. 19). «Ему исключительно пред всеми своими предшественниками выпала горькая доля смиряться пред непреклонною волею московского государя, видеть падение Новгорода и заключить собою длинный ряд знаменитых святителей — великих заступников своей родины. И если он не мог отстоять древних прав и независимости Новгорода, как отстаивали их святители Евфимий и Иона, то в свою очередь и он оказал немалую услугу тем, что своим неотступным ходатайством пред великим князем вымолил у него мир и некоторые льготы гражданам без кровопролития» (22, с. 334).

Вскоре после кончины святителя Феофила Иоанн III осуществил целый ряд мер, призванных пресечь республиканские традиции, а затем вырвать их с корнем. В 1484 году были конфискованы владения всех крупных новгородских бояр, а сами бояре высланы из Новгорода. В 1487—1489 гг. из Новгорода в Подмосковье и Поволжье были выселены около 7 тысяч более мелких новгородских феодалов и купцов. На их место Иоанн III прислал служилых людей из Москвы и других русских земель (147, с. 69).

В своих «Исторических записках» выдающийся русский историк С. М. Соловьев пишет: «Иоанн III, приведши Новгород в свою волю, сказал его жителям: «Великий Новгород должен нам дать волости и села, без того нам нельзя держать государства своего в великом Новгороде», и взял волости владычни и монастырские; эти земли были розданы детям боярским в поместья: Иоанн показал, что значило, по его выражению, держать государство» (140, с. 225).

Избранный по жребию на архиепископскую кафедру в 1483 году, архимандрит Сергий не оправдал надежд московской администрации, был смещен и заменен новым иерархом — уже без всякой жеребьевки... (119, с. 194). Но отдельные «рудименты» былой независимости Великого Новгорода еще некоторое время сохранялись: в управлении городом принимали участие старосты «концов» (самоуправляющихся общин), а западные соседи Новгорода (Швеция, Ливония и Ганза) поддерживали непосредственные отношения не с Москвой, а с наместниками великого князя в Новгороде (133, с. 142).

* * *

Присоединение Новгорода к Москве, к Единой Русской Державе, безусловно, явилось одним из важнейших событий отечественной истории. «Именно после этого, — подчеркивает А. Л. Хорошкевич,— можно говорить о Русском государстве, образовавшемся на основе Московского княжества» (120, с. 3). Обстоятельства этого присоединения, однако, известны нам далеко не полностью. Они известны нам, по справедливому замечанию М. Д. Приселкова, лишь в той «московской политической трактовке», через которую прошло большинство дошедших до нас летописей (46, с. 89). История двух походов Иоанна III на Новгородскую землю в 1471 и 1479 годах содержит «существенные пробелы, а иногда и сомнительные сообщения» (87, с. 89). Причина этого, прежде всего, указывает Я. С. Лурье, «в неполноте и одностороннем характере источников» (там же). Действительно, последняя независимая новгородская летопись доведена лишь до сентября 1476 года (ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848)[19].

Политическая тенденциозность и необъективность московских летописей в этом отношении, к сожалению, очевидны. Два московских рассказа о присоединении Новгорода («Словеса избранна от святых писаний» и повествования в великокняжеском своде) построены по традиционной схеме сказаний о битвах христиан с «неверными агарянами», то есть, по той схеме, которую принципиально нельзя было применять к единоверному и единокровному Новгороду...

Я. С. Лурье считает, впрочем, что использование этой схемы при описании похода 1471 года в известном смысле оправдано: новгородцев, ведших переговоры с польско-литовским королем, обвиняли тогда в «латинстве» и, следовательно, в «отступничестве» (87, с. 90). Оправдано, доба-

Богоматерь «Знамение»

Копия фрески из храма Спаса на Нередице (под Новгородом, кон. XII в.)

Худ. Р. А. Флоренская, 1923 г., бум. акв.

Фото 1—12 — к ст. В. А. Никитина «Слава и щит Руси», сс. 74—105.

Крещение Господне

Копия фрески из храма в честь Успения Пресвятой Богородицы на Волотовом поле (XIV в.)

Худ. Р. А. Флоренская, 1923 г., бум. акв.

Воскрешение Лазаря

Копия фрески из храма Спаса на Нередице (под Новгородом, кон. XII века)

Худ. Р. А. Флоренская, 1923 г., бум. акв.

Сошествие во ад

Копия фрески из храма в честь Успения Пресвятой Богородицы на Волотовом поле (XIV в.)

Худ. Р. А. Флоренская, 1923 г., бум. акв.

Праотец Ной

Фреска Феофана Грека из церкви Спаса Преображения Господня на Ильине улице

1378 г., Новгород

Святая Троица

Фреска Феофана Грека из церкви Спаса Преображения Господня на Ильине улице

1378 г., Новгород

Сошествие Святого Духа на апостолов

Икона XV в., Новгород

Крещение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа

Икона кон. XV — нач. XVI в. Таблетка, Новгород

Воскрешение Лазаря

Икона кон. XV — нач. XVI в. Таблетка, Новгород

Преполовение Пятидесятницы,
или Беседа Иисуса Христа с книжниками и фарисеями

Икона кон. XV — нач. XVI в. Таблетка, Новгород

Преображение Господне

Икона серед. XV в. Таблетка, Новгород

Собор Архангелов

Икона кон. XV в. Софийский собор.
Таблетка, Новгород

вим мы, если исключить презумпцию невиновности, которая, в этом нет сомнения, простиралась в данном случае почти на все население Новгорода (за исключением, может быть, боярской верхушки).

«Иное положение, — справедливо подчеркивает Я. С. Лурье, — было в 1476—1479 гг. У власти в Новгороде находились промосковские элементы (во главе с архиепископом Феофилом, на избрании которого в 1471 году весьма энергично настаивали в Москве); никаких сношений с Польско-Литовским государством новгородцы не имели. Повод, выбранный Иваном III для нового похода и окончательного присоединения Новгорода, даже в Московском изложении кажется несколько странным» (87, с. 90).

Остановимся кратко на этом поводе.

В конце февраля 1477 года, по сообщению великокняжеского летописного свода 1479 года (ПСРЛ, т. XXV), к Иоанну III в Москву явился новгородский посадник Захария Овинов для разбора новгородских судебных дел в Москве. Такого разбора, как известно, раньше не производилось. В марте того же 1477 года архиепископ Новгородский Феофил прислал в Москву к Иоанну III и его сыну послов Назара и Захара — «бити челом и называти себе их государем», чего также не бывало ранее.

В ответ на челобитье, по словам летописца, Иоанн III через своих послов Феодора Стародубского и других запросил 24 апреля — «какого они хотят государства», но новгородцы «възбеснеша, яко пьании», «запрелися» и «назвали то лжею», то есть отрицали свое прежнее челобитье... Далее летописец переходит к повествованию о военных действиях, предпринятых Иоанном III против Новгорода осенью 1477 года. Историки следовали ранее этой версии с некоторыми оговорками, предполагая, что Иоанн III «придрался» к новому титулу «государя», а новгородцы, величая его так, хотели признания верховной власти московского великого князя при сохранении особенностей новгородского вечевого строя.

Я. С. Лурье, в распоряжении которого оказался новый, более ранний летописный текст — фрагмент московского великокняжеского свода 1477 года (в составе Прилуцкой и Уваровской летописей), обнаружил, что в нем *нет вообще* упоминания о новгородском посольстве Назара и Захара. На этом основании ученый сделал вывод, что упоминание о них — позднейшая вставка. Эта интерполяция была сделана, по его мнению, «уже после того, как была объявлена война, и повод к ней нужно было провозгласить хотя бы задним числом» (87, с. 93). Присоединение Новгорода к Москве было, конечно, неизбежным, считает ученый. Но, признавая это, «мы вовсе не обязаны с доверием принимать ту официальную и насквозь тенденциозную трактовку этого события, которую давали ему придворные московские летописцы» (87, с. 95).

Драматическая история падения Новгорода, сложная и противоречивая, вызывала различные оценки у историков. Не было единства и относительно значения этого события.

Н. М. Карамзин не без сожаления писал о потере Новгородом самостоятельности. В этой связи остановимся на краткой характеристике Новгородских летописей, оставленной выдающимся русским историком, на его оценке причин падения Новгорода: «Летописи Республик обыкновенно представляют нам сильное действие страстей человеческих, порывы великодушия и нередко умилительное торжество добродетели, среди мятежей и беспорядка, свойственных народному правлению: так и летописи Новгорода в неискусственной простоте своей являют черты пленительные для воображения... Тут достойный Архиепископ, держа в руке крест, является среди ужасов междоусобной брани; возносит руку благословляющую, именует новгородцев детьми своими, и стук оружия умолкает: они смиряются и братски обнимают друг друга. В битвах с врагами иноплеменными Посадники, Тысяцкие умирали впереди за Святую Софию. Святители Новгородские, избираемые гласом народа, по всеобщему уважению к их личным свойствам, превосходили иных достоинствами пастырскими и гражданскими; истощали казну свою для общего блага; строили стены, башни, мосты и даже посылали на войну особенный полк, который называется *Владычним;* будучи главными блюстителями правосудия, внутреннего благоустройства, мира, ревностно стояли за Новгород и не боялись ни гнева Митрополитов, ни мести Государей Московских. — Видим также некоторые постоянные правила великодушия в действиях сего, часто легкомысленного народа: таковым было не превозноситься в успехах, изъявлять умеренность в счастии, твердость в бедствиях, давать пристанище изгнанникам, верно исполнять договоры, и слово: *Новгородская честь, Новгородская душа,* служило иногда вместо клятвы. — Республика держится добродетелию, и без нее упадает» (2, т. 6, гл. 1).

Иоанн III, — считает известный русский историк Н. И. Костомаров, — «уничтожил Новгород до корня», так как переселил его жителей по разным краям, подчиненным Московской державе; фактически он заменил прежнее население Новгорода новым, не знающим вольнолюбивых традиций местной старины, свободным от ностальгии воспоминаний. Опустошение Новгородской земли совершилось в чрезвычайной степени и было значительнее, чем обыкновенно полагают. По известиям летописца, из Новгорода выведено было до 18 000 семей, то есть около 100 тысяч человек (31, с. 209).

Н. И. Костомарова оспаривает видный современный исследователь А. Л. Янов. Да, говорит он, Иван III радикально расправился с новгородской оппозицией: лидеры ее были казнены, вече-

вой колокол упразднен, «целые ряды потенциальных кромольников» переселены. Но, тем не менее, если сравнить действия Ивана III с разгромом Новгорода, учиненным через сто лет Иоанном Грозным, разница очевидна и контраст поразителен: Иван III расправился лишь с великокняжеской оппозицией, но не с Новгородом: «Он уничтожил в зародыше самое семя измены, но город жил при нем и процветал. В том-то и дело, что он [в отличие от «завоевателя-автократа» Иоанна IV] был *хозяином* державы, и Новгород нужен был ему как часть страны, лишенная исторической автономии, но живая, здоровая и богатая, а не обращенная в пепел. Это была его родная земля, которую следовало централизовать, а не уничтожать, привязать к Москве, а не воспитывать в ней вековую ненависть» (94, с. 20).

Известный советский писатель Валентин Дмитриевич Иванов (1902—1975), автор исторической трилогии «Русь изначальная», «Русь великая» и «Повести древних лет», пишет: «Иван III покончил с татарами. А Новгород, пусть с переломом, с жесткой встряской, с выворачиванием рук, он сохранил живым, жизнеспособным» (158, с. 123).

Присоединение Новгорода к Москве, — подчеркивает акад. Д. С. Лихачев, — не сопровождалось разрушением его культурных ценностей. «Уничтожая новгородскую независимость, москвичи не считали себя завоевателями, точно так же как и представители демократической московской партии в Новгороде не рассматривали себя как врагов родного города... Москва широко использовала новгородские летописи и исключительные книжные богатства Новгорода, приглашала к себе новгородских иконников и строителей, подчеркивала славу и величие Великого Новгорода, исконную зависимость его от московских князей...» (135, с. 169).

Большинство современных историков разделяет эту точку зрения. Действительно, присоединение Новгорода в 1478 году к централизованному Русскому государству со столицей в Москве принесло в конце концов Новгородской земле долгожданное умиротворение:

«О Волхов! берегов твоих
Не возмущает днесь ни голос грозной битвы,
Ни тяжкий стон последния молитвы,
Ни вопли дев с полей родных.
К тебе певец идет с довольною душой!
Он любит с башни зреть, задумчивости полный,
Как ты красуешься сребристою струей,
Колебля рыбарей разбросанные чёлны.
И перед ним цветущее село
Склоняется над тихими водами,
Любуяся в их светлое стекло»...

(*В. Н. Григорьев.* «Берега Волхова», 1823 г.).

Интересно коснуться отражения этой темы в русской художественной литературе[20]. В заключительной сцене трагедии М. П. Погодина «Марфа, посадница Новгородская» царь Иоанн III воздает благодарение Богу за покорение Новгорода. Несмотря на то, что оно сопровождалось бунтами и казнями, Иоанн III вспоминает об исторических заслугах Новгорода перед Русью:

«...Здесь могущая держава наша
Впервые основалася... Древле
Великие услуги оказали
Новгородцы нашим славным предкам,
Владимиру Святому, Ярославу,
Мстиславам, Александру и Донскому»...

Не случайно на памятнике «Тысячелетию России» в Новгороде все же есть изображение Иоанна III, хотя нет Иоанна Грозного (которому новгородцы не простили кровавого побоища, учиненного опричниками в январе 1570 года).

Знаменательно, что через два года после присоединения Новгорода к Москве Единая Русская Держава сумела окончательно освободиться от монголо-татарского ига. Вспомним о «стоянии на Угре» в 1480 году, о чудесной помощи Пресвятой Богородицы нашему православному воинству (см. «Журнал Московской Патриархии», 1980, № 12, с. 72—78).

В стихотворении «Неведомая Странница» (1829) А. И. Одоевский вложил в уста Софии, Премудрости Божией (Небесной Покровительницы Новгорода), призыв к вере в великое будущее русского народа — наследника вольнолюбивого духа пращуров, ведомого Верой, Надеждой и Любовью.

В это великое будущее, созидаемое ныне на просторах нашей Державы, Новгород вошел как единокровный брат Москвы, — хотя и младший по чести, но старший по возрасту и равный по достоинству. Ибо одна у братьев мать — Святая Русь... Единство Руси — завет Новгорода, залог необоримого могущества Державы Российской.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «По уровню технического оснащения, применяемой технологии продукция этих мастерских не уступала прославленным центрам Западной Европы и Востока», — подчеркивает академик *В. Л. Янин* («Правда», 24 января 1983 г.).

[2] *В. В. Мавродин* отмечает, что официальная дореволюционная историография русского флота (Ф. Веселый, А. В. Висковатов, П. Н. Белавенец и др.), как правило, отказывалась от изучения русского мореплавания на Балтийском море в период феодальной раздробленности: «При этом историки русского флота исходили из традиционной схемы «норманнской теории» и считали, что о русском мореходстве можно говорить либо по отношению к временам Киевского государства, либо к временам царствования Петра I. Даже Ливонская война Ивана Грозного рассматривалась лишь как попытка России стать великой морской державой на Балтике, а не как результат развития русского мореходства, продиктовавшего борьбу за «отчины и дедины» на берегах Балтийского моря» (55, с. 167). См. также 19.

[3] О Новгороде как великой морской державе замечательно пишет академик *Д. С. Лихачев:*

«Первое, что поражает в Новгороде, когда, приехав в него, выходишь к полноводному и быстрому Волхову, — ощущение огромности окружающего его пространства. Из центра города, от подножия древнего кремля, видна далекая бескрайняя равнина, виден как бы двигающийся по горизонту величественный хоровод белых церквей и монастырей, блестит, сливаясь с высоким небом, озеро Ильмень. В нем, как в море, не видно противоположного берега... Ветер в Новгороде кажется особенно пронзительным, резким и... морским. Да, морским! Ведь Новгород целое тысячелетие был портом четырех морей... был открыт для кораблей Черного моря и Балтийского, Белого и Каспийского... Даже Венеция и Генуя не имели таких далеких торговых связей» (135, с. 143).

[4] Начало сношений новгородцев с Пермским краем уходит в седую древность, овеяно различными легендами. По мнению *Н. И. Костомарова,* «известия о способе владения Новгорода этою отдельною (Пермскою) землею до того скудны, что нет возможности вывести что-нибудь точное» («Северорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада». Т. 1. СПб., 1863, с. 404).

А. А. Спицын, автор книги «Свод летописных известий о Вятском крае». Вятка, 1883, считает, что точные летописные записи дают сведения о новгородско-пермских и вятских взаимоотношениях лишь с XIV века. При этом очевидно, что до этого времени сплошных оседлых новгородских поселений в Вятке или Перми не было.

[5] Большой вклад в изучение Новгорода периода его расцвета внесло Новгородское церковно-археологическое общество и Новгородское церковное древлехранилище, открытые 3 января 1912 года по благословению Высокопреосвященного архиепископа Новгородского Арсения (Стадницкого; † 1936). Деятельное участие в работе Общества принял ректор Новгородской Духовной Семинарии архимандрит Алексий (Симанский; с 28 апреля 1913 года — епископ Тихвинский, викарий Новгородской епархии; впоследствии Патриарх Московский и всея Руси). В Общество входили видные ученые: академик А. И. Соболевский, профессор Д. В. Айналов, А. И. Анисимов, В. Т. Георгиевский, Н. П. Лихачев, Л. А. Мацулевич, Н. А. Окунев и другие. Изучение новгородских памятников сопровождалось тщательной научной реставрацией; так, например, иконы расчищались опытным специалистом Т. О. Чириковым.

Заботясь о распространении среди духовенства историко-археологических знаний, Общество стало издавать свои труды. Первый том сборника трудов членов Общества «Новгородская церковная старина» вышел в 1914 году. Сборник был хорошо иллюстрирован фотоснимками с новгородских икон XV—XVI вв.

См.: Каталог Новгородского епархиального церковного древлехранилища. Новгород, 1916, с. 1—2.

[6] Храм Успения на Волотове был уничтожен огнем фашистской артиллерии в 1941—1943 гг. несравненные фрески не сохранились... Публикуем некоторые из серии копий, сделанных художницей Раисой Александровной Флоренской (1896—1932) в 1923 году. См. цветную вкладку.

[7] Храм Спаса на Ковалеве разделил трагическую судьбу храма Успения на Волотове и всех других древних памятников, расположенных полукольцом по правому берегу реки Волховца, на котором проходил передний край обороны советских войск, временно оставивших Новгород, в 1941—1943 гг. Казалось, что фрески храма невозвратимо утрачены... Но героическим трудом реставратора А. П. Грекова и его жены В. Б. Грековой, после 20 лет напряженной работы, фрески были восстановлены (собраны из обломков и кусочков штукатурки с остатками росписи на особых щитах). По проекту новгородского реставратора Л. Е. Красноречьева восстановлен из руин и Ковалевский храм.

См.: *Р. Шульгина.* Их возвращали к жизни 20 лет. — «Московские новости», 1985, 26 мая; *И. Преловская.* Повинуясь сердцу. — «Известия», 1987, 13 января.

[8] В 1986 году стало известно о сенсационном открытии: весь верхний ряд двухъярусного иконостаса действующего Васильевского храма в г. Овруче Житомирской области состоит из

икон, написанных в XV веке в Новгороде Великом. Как выяснилось, академик А. В. Щусев приобрел 14 икон в Спасо-Нередицкой церкви Новгорода в 1911 году и привез их в г. Овруч для иконостаса Васильевской церкви.

См.: *С. Цикора.* Воскресение через века. Найдены неизвестные шедевры древнерусской живописи. — «Известия», 1986, 28 декабря.

[9] В 1970 году археолог Н. П. Пахомов на месте Готского двора в Новгороде (на Торговой стороне) обнаружил, например, в культурных слоях XIV—XV вв. вместе с другими предметами иноземного происхождения берестяную грамоту на латинском языке (№ 488) («Советская археология», 1973, №3, с. 111).

[10] Характерной особенностью манеры Феофана Грека является энергичный, чрезвычайно выразительный, обычно короткий мазок и своеобразная живописная моделировка. При помощи резких, пастозно (густо) положенных белильных мазков мастер моделирует форму лица, рук и ног, имеющих всегда красно-коричневую [телесную] основу. По этой основе художник прокладывает первоначальные высветления, на которые наносит «движки» белильных мазков... Манера Феофана не знает детализации. Он оперирует предельно обобщенной формой... Внутренняя динамика, психологическая напряженность и необычайная острота характеристик росписи... не знают себе равных (117, с. 143—144).

[11] Новгородцы отличались неким «врожденным» миролюбием, но в то же время — сильным упорством и чувством независимости, которую были готовы отстаивать всем миром. Монастыри под Новгородом, в отличие от подмосковных и северных монастырей-крепостей, не предназначались для военных действий. В 1386 году новгородцы не стали обороняться на дальних подступах к городу, но предпочли сжечь монастыри, оставив противнику пепелища...

[12] Последняя по счету реставрация в Софийском соборе была произведена в 1983—1985 гг. Реставраторы под руководством заслуженного художника РСФСР А. Кузнецова укрепили древнюю и позднюю живопись внутри храма и на его фасаде; была также изготовлена и уложена новая кровля, обновлена позолота центрального купола. Весной 1985 года Софийский собор вновь открыт для посещения.

См.: *В. Трояновский.* Новь древнего собора. — «Известия», 1985, 12 мая.

[13] О значении обыденных храмов на Руси, как наивысшего проявления «пóмочей» (Бог в помочь!) и «толок» и как выражения религиозных подъемов, много писал гениальный русский мыслитель Н. Ф. Федоров (1828—1903). Он подчеркивал, что «обыденные храмы есть не *памятники* лишь единодушия и согласия, но и *предвестники общего дела спасения,* или всеобщего воскрешения...» («Философия Общего Дела». Т. 1. Верный, 1906, с. 688).

Полемизируя с И. В. Киреевским, высказавшимся, что занятия Богомыслием «не для всех возможны, не для всех необходимы», Н. Ф. Федоров писал: «Не правда! Для всех необходимы и для всех возможны!.. Новгородские мужики, созидая обыденный храм, в этот день, в своем многоединстве, на деле осуществляли тайну Триединства Божественного. Богословская мысль о Пресвятой Троице становилась в них Богодейством, делом Божиим» («Философия Общего Дела». Т. 2. М., 1913, с. 194—195).

[14] Евфимиевская Часозвоня, имевшая шатровый верх, обвалилась в мае 1671 года. Дошедшая до нас Часозвоня в форме граненого столпа, сужающегося кверху, увенчанного шлемовидным куполом, сооружена митрополитом Новгородским Иоакимом в 1763 году.

[15] «В результате перестройки XVI века Софийская звонница получила совершенно новый художественный облик, она стала более монументальной, вместе с тем значительно увеличились элементы декоративного узорочья на западном фасаде постройки, обращенном внутрь детинца... Существующая ныне кровля звонницы и главка над средним пролетом появились в результате более поздних перестроек XVIII—XIX веков» (117, с. 95—96).

[16] О Соборе Новгородских святых см.: *Архимандрит Никодим.* «Святые Новгородского края и вопрос о церковно-народном их почитании в современной исторической литературе».

Автор считает, что «из великого сонма Новгородских святых точно и строго положительно сказать, что они причтены к лику святых, мы можем только о 33-х» (33, с. 1073). См. также 23 и 30.

[17] Фрески храма во имя Преподобного Сергия были сняты со стен и до начала Великой Отечественной войны хранились в Новгородском Историческом музее. В период оккупации большая часть фресок бесследно пропала.

[18] В 1471 году Иоанн III посетил монастырь во имя преподобного Варлаама Хутынского. Узнав о том, что святые мощи преподобного находятся под спудом, Иоанн III выразил неудовольствие и, несмотря на возражение игумена, приказал снять каменную доску с гробницы и «копати землю в чудотворцеве гробе». Когда к этому приступили, из гробницы повалил дым, а затем вырвалось пламя... Иоанн от страха и ужаса пошел вон из храма, опираясь на жезл, при соприкосновении которого с землей из нее исходил огонь... Тогда великий князь выпустил жезл из рук, который, обожженный, остался в монастыре (ныне хранится в монастырской ризнице). «Мы не знаем, когда возникла эта легенда, но в 1540 году монастырь пострадал от

пожара, — пишет М. В. Муравьев. — Необъяснимым остается, почему Иван Московский оставил в монастыре свой посох» (40, с. 91—92).

В связи с дерзновенным поведением Иоанна III в Хутынском монастыре, небезынтересно привести следующую характеристику из монографии современного историка: «По своим личным качествам Иван III как нельзя более подходил на роль могильщика политического суверенитета Русской Церкви. Человек сильной воли, большого ума и беспредельного честолюбия, московский князь был практически лишен всяких «сдерживающих центров» по отношению к религии и церковной иерархии. Выросший в обстановке льстивого коварства и затаенной злобы, среди ослеплений и отравлений, сын Василия Темного был убежден, что вопреки евангельскому изречению Бог не в правде, но в силе» (151, с. 162).

[19] Новгородские летописцы с явной неприязнью пишут о великих князьях, старавшихся подавить независимость Новгорода и Пскова, нарушить их исконные права. Особая неприязнь выражена к Иоанну III и к Иоанну IV Грозному, положившим конец Новгородскому вечу. «Падение Новгорода и Пскова было страшным событием в местной истории, которое в летописях изображено с раздирающею скорбию и с самыми мелкими подробностями. Много сохранено в летописях народных преданий и суеверных рассказов о различных явлениях, этому предшествующих» [буря сломала крест на Софийском соборе, на гробах святителей Новгородских Симона и Мартирия выступила кровь и т. д] (*Н. Я. Аристов*. «Первые времена христианства в России по церковно-историческому содержанию русских летописей». СПб., 1888, с. 153).

[20] После повести *Н. М. Карамзина* (1766—1826) «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода» (1803) и его же статьи «Известие о Марфе-посаднице, взятое из Жития святого Зосимы» (1803), эта тема стала весьма популярной в русской литературе; к ней обращались *П. П. Сумароков* (пьеса «Марфа Посадница», 1808), *М. П. Погодин* (героическая драма «Марфа, Посадница новгородская), *К. Ф. Рылеев, А. И. Одоевский и В. Ф. Раевский* (стихи), *Р. Ступишин* (трагедия «Марфа Посадница», 1869), *Д. Л. Мордовцев* (роман «Господин Великий Новгород», 1882), *А. А. Навроцкий* (поэма «Посадница Марфа Новгородская», 1896), *Сергей Есенин* (поэма «Марфа Посадница», 1914), *Д. М. Балашов* (роман «Марфа-посадница», 1972) и другие. См. также: *А. С. Пушкин*. «О народной драме и драме «Марфа Посадница»» (1830).

Прославление *А. Н. Радищевым* (1749—1802) в «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Новгород») новгородской вольности, вечевого всенародного правления — «это не идеализация, а показ идеала народоправства, к которому он побуждает стремиться своих сограждан», — справедливо считает современный писатель В. В. Тюрин (154, с. 20).

ЛИТЕРАТУРА

1. [Епископ Старорусский *Евгений* (Болховитинов; впоследствии митрополит Киевский и Галицкий)]. Исторические разговоры о древностях Новгорода. М., 1808.

2. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. I (тт. 1—4); кн. II (тт. 5—9). СПб., 1842.

3. Краткое историческое описание святыни Новгородской. СПб., 1850.

4. *Томилин Р.* Великоновгородская святительская кафедра в историческом значении. СПб., 1851.

5. Архимандрит *Макарий* (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Тт. I—II. М., 1860.

6. *Буслаев Ф. И.* Новгород и Москва. — В кн.: «Исторические очерки русской народной словесности и искусства». Т. 2. СПб., 1861, с. 269—280.

7. Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 4. Повести религиозного содержания, древние поучения и послания, извлеченные из рукописей Николаем Костомаровым. СПб., 1862 (Житие... преосвященнаго архиепископа Великого Новаграда Владыки Евфимия: с. 16—26; Повесть о Ионе, архиепископе Новгородском: с. 27—35; Повесть о Михаиле Клопском: с. 36—51).

8. *Белянкин Л. Е.* Описание Новгородского Софийского собора. М., 1862.

9. *Толстой М.* Русские святыни и древности. Часть III. Святыни и древности Великого Новгорода. М., 1862.

10. Архиепископ Черниговский *Филарет* (Гумилевский). Русские святые, чтимые всею Церковью или местночтимые. Изд. 2-е. Чернигов, 1865.

11. *Беляев Иван.* История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. Изд. 2-е. М., 1866.

12. *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

13. *Никитский А. И.* Очерки внутренней истории Пскова. СПб., 1873.

14. *Градницкий М.* Геннадий, архиепископ Новгородский. — «Православное обозрение». М., 1878, с. 70—107; 1880, с. 640—667, 706—806.

15. *Никитский А. И.* Очерк внутренней истории Церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879.
16. *Кудрявцев М.* История православного монашества в Северо-Восточной России со времен преподобного Сергия Радонежского. Ч. 1. М., 1881.
17. *Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des tsars et les russes, t. 1—3. Paris, 1881—1882.
18. *Никитский А.* Отношение Новгородского владыки к немецкому купечеству по новым данным. — «ЖМНП», ч. 228, СПб., 1883, с. 1—15.
19. *Форстен Г. В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI вв. СПб., 1884.
20. Архиепископ Черниговский *Филарет* (Гумилевский). История Русской Церкви. Период второй, монгольский, от опустошения России до разделения митрополии (1237—1410 г.). Изд. 5-е. М., 1888.
20-а. *Его же.* История Русской Церкви. Период третий, от разделения митрополии до учреждения патриаршества (1410—1588). Изд. 5-е. М., 1888.
21. *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889.
22. Протоиерей *Тихомиров П. И.* Кафедра Новгородских святителей со времени введения христианства в Новгороде до покорения его Московской державе. Т. 1. Новгород, 1891.
23. *Васильев В.* История канонизации русских святых. М., 1893.
24. *Никитский А. И.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893.
25. *Пшеничнов М. Ф.* Исторические очерки. Крещение Руси, присоединение Новгорода и жизнедеятельность преподобного Сергия. Казань, 1894.
26. *Лаппо-Данилевский А. С.* Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его областях. СПб., 1895.
27. *Здравомыслов К. Я.* Иерархи Новгородской епархии от древних времен до настоящего времени. Новгород, 1897.
28. Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. Вып. 6. Памятники Владимира, Новгорода и Пскова. СПб., 1899.
29. *Барсуков Н.* Источники русской агиографии. М., 1903.
30. *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. Изд. 2-е. М., 1903.
31. *Костомаров Н. И.* О значении Великого Новгорода в русской истории. — Собрание сочинений. Кн. 1-я, т. 1. СПб., 1903, с. 199—214.
32. *Соболевский А.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903.
33. Архимандрит *Никодим.* Святые Новгородского края и вопрос о церковно-народном их почитании в современной исторической литературе. — «Новгородские епархиальные ведомости», 1903, № 18, с. 1072—1078.
34. *Ключевский В.* Курс русской истории. Часть II. М., 1906.
35. *Никольский А. И.* София Премудрость Божия. Новгородская редакция иконы и служба Святой Софии. — «Вестник археологии и истории». Вып. XVII. СПб., 1906, с. 69—100.
36. *Шамурин Юрий.* Великий Новгород. М., 1914 (В серии «Культурные сокровища России». Вып. 10).
37. *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918.
38. *Платонов С. Ф.* Прошлое русского Севера. Очерки по истории колонизации Поморья. Пг., 1923.
39. *Некрасов А. И.* Великий Новгород и его художественная жизнь. М., 1924.
40. *Муравьев М. В.* Новгород Великий. Исторический очерк и путеводитель. Л., 1927.
41. Хождение Стефана Новгородца. — В кн.: *М. Н. Сперанский.* Из старинной новгородской литературы XIV века. Л., 1934 (Памятники древне-русской литературы. Вып. 4).
42. Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Сборник документов. М.—Л., 1935.
43. *Бернадский В. Н.* Господин Великий Новгород. М.—Л., 1936.
44. *Дмитриев Ю. Н.* К истории новгородской архитектуры. — «Новгородский исторический сборник». Вып. 2-й. Под ред. акад. Б. Д. Грекова. Л., 1937, с. 116—123.
45. *Седельников А. Д.* Молитва о рае в русском средневековом прении. — «Bizantinoslavica», 1938, t. VIII, s. 164—173.
46. *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.
47. *Мацулевич Л. А.* Новгород и Таллин. К вопросу о генезисе архитектурных форм. — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР». Вып. 10. М.—Л., 1941, с. 51.
48. *Лазарев В. Н.* Искусство Новгорода. М.—Л., 1947.
49. *Порфиридов Н. Г.* Древний Новгород. М.—Л., 1947.
50. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
51. *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1-я. М.—Л., 1948.
52. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1949.
53. *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. 2-я половина XV в. М., 1952.

54. *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV-начала XVI века. М.—Л., 1955.
55. *Мавродин В. В.* Русское мореходство на Балтийском море в XIII—XVI вв. — «Ученые записки Ленинградского гос. университета». Серия исторических наук. Вып. 24, 1956, с. 167—178.
56. *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957.
57. *Клейненберг Н. Э.* Военно-морские действия новгородцев при отражении орденской агрессии 1443—1448 гг. — «История СССР», 1958, № 4.
58. *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. I. Париж, 1959.
59. *Лихачев Д. С.* Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М., 1959.
60. Новгород в русской литературе XVIII—XX вв. Сост. А. З. Жаворонков. Новгород, 1959.
61. *Орлов С. Н., Воробьев А. В.* Оборонительные укрепления древнего Новгорода. Новгород, 1959.
62. *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X—XV веках. М.—Л., 1959.
63. *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959.
64. *Гладенко Т. В.* Памятники архитектуры Новгорода. Церковь Иоанна на Опоках. Новгород, 1959.
65. *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960.
66. *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960.
67. *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.—Л., 1960.
68. *Максимов П. Н.* Зарубежные связи в архитектуре Новгорода и Пскова XI — начала XVI века — в кн.: «Архитектурное наследство». Т. 12. М., 1960.
69. *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.
70. *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л., 1961.
71. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 1. М., 1961. Т. 2. М., 1962.
72. *Лихачев Д. С.* Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). М., 1962.
73. *Хорошкевич А. Л.* Русский город XI—XVI вв. в современной буржуазной науке. — В кн.: «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма». М., 1962, с. 109—134.
74. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962.
75. *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963.
76. Новгород. К 1100-летию города. Сб. статей под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1964.
77. *Татищев В. Н.* История Российская в семи томах. Т. III. М.—Л., 1964; Т. V. М.—Л., 1965.
78. *Хорошкевич А. Л.* Основные итоги изучения городов XI — первой половины XVII в. — В кн.: «Города феодальной России». М., 1966, с. 34—50.
79. *Тихомиров М. Н.* Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.). М., 1966.
80. Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. Сб. статей. М., 1968.
81. *Ямщиков С. В.* Древнерусская живопись. Новые открытия. 2-е дополн. изд. Л., 1969.
82. *Лазарев В.* Феофан Грек. В кн.: «Искусство. Живопись, скульптура, графика, архитектура». Сост. акад. М. В. Алпатов. Изд. 3-е. М., 1969, с. 323—327.
83. *Брук Я. В.* Живое наследие. Беседы о древнерусской живописи. М., 1970.
84. *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. М., 1970.
85. *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971.
86. *Лихачева В. Д., Лихачев Д. С.* Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971.
87. *Лурье Я. С.* К истории присоединения Новгорода в 1477—1479 гг. — В кн.: «Исследования по социально-политической истории России». Л., 1971, с. 89—95.
88. *Хорошев А. С.* Из истории борьбы Новгорода против Москвы (местная канонизация 30—40-х годов XV в.). — «Вестник Московского университета». Серия IX, история. 1971, № 6, с. 54—61.
89. *Кушнир И. И.* Новгород. Изд. 2-е. Л., 1972.
90. *Рогов А. И.* Культурные связи Руси и Польши в XIV — начале XV в. — «Вестник МГУ», серия IX, история, 1972, № 4, с. 63—71.

91. *Розов Н. Н.* Искусство книги Древней Руси и библиогеография (по Новгородско-Псковским материалам). — В кн.: «Древнерусское искусство. Рукописная книга». М., 1972, с. 24—51.
92. *Попова О. С.* Новгородская миниатюра XIV века и ее связь с палеологовским искусством. — Там же, с. 105—139.
93. *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973.
94. *Янов А. Л.* Некоторые проблемы русской консервативной мысли XV—XVIII столетий. Диссертация на соискание ученой степени д-ра философских наук. М., МГУ, 1973 (ркп.)
95. *Любимов Л. Д.* Господин Великий Новгород. — В кн.: «Искусство Древней Руси». М., 1974, с. 167—224.
96. *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975.
97. *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975.
98. *Каргер М. К.* Новгород. Памятники архитектуры XI—XVII веков. Л., 1975.
99. *Кириков Б. М.* Новгородский Кремль. Л., 1975.
100. Новгород. Путеводитель. Сост. В. В. Гормин. Л., 1975.
101. *Donnert E.* Das Moskauer Russland. Kultur und Leistesleben im 15 und 16. Jahrhundert. Leipzig, 1976.
102. *Гормин В. В.* Ярославово дворище и древний Торг. Л., 1976.
103. *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976.
104. *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.
105. *Смирнова Э. С.* Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV века. М., 1976.
106. *Янин В. Л.* «Семисоборная роспись» Новгорода. — В кн.: «Средневековая Русь». Сб. статей. М., 1976, с. 108—117.
107. *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977.
108. *Ильина Т. В.* Декоративное оформление древнерусских книг. Новгород и Псков. XII—XV вв. Л., 1978.
109. *Ковалева В. М.* Росписи в новгородской церкви Федора Стратилата. — В кн.: «Средневековое искусство. Русь. Грузия». М., 1978, с. 145—157.
110. *Смирнова Э. С.* О местной традиции в новгородской живописи XV в. Иконы с избранными святыми и Богоматерью «Знамение». — Там же, с. 193—211.
111. *Рыбина Е. А.* Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978.
112. *Рындина А. В.* Древнерусская мелкая пластика. Новгород и центральная Русь XIV—XV веков. М., 1978.
113. *Лазарев В. Н.* Новгородская иконопись. М., 1979.
114. *Вязинин И. Н.* Старая Русса. Л., 1980.
115. *Зайцев И. А., Кушнир И. И.* Улицы Новгорода. Справочник. Л., 1980.
116. *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. Л., 1980.
117. *Каргер М. К.* Новгород. Художественные памятники XI—XVII веков. Изд. 4-е, дополн. Вступ. статья Г. М. Штендера. Л., 1980.
118. *Попова О. С.* Искусство Новгорода и Москвы первой половины XIV века. Его связи с Византией. М., 1980.
119. *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.
120. *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.
121. *Булкин В. А., Овсянников О. В.* По Неве и Волхову. Л., 1981.
122. Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV в. М., 1981.
123. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.
124. *Айвазян К. В.* Культ Григория Арменского, «арменская вера» и «арменская ересь» в Новгороде (XIII—XVI вв.) — В кн.: «Русская и армянская средневековые литературы». Сб. статей. Л., 1982, с. 255—332.
125. *Варенцов В. А.* Московские гости в Новгороде. — «Вопросы истории», 1982, № 8, с. 31—42.
126. *Казакова Н. А.* Внешняя политика Новгорода в русской и советской историографии. — В кн.: «Новгородский исторический сборник». Вып. 1-й (11-й). Л., 1982, с. 146—164.
127. *Янин В. Л.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований. — Там же, с. 79—95.
128. *Кушнир И. И.* Архитектура Новгорода. Л., 1982.
129. *Никитина Ю. И.* Софийский собор в Новгороде. Л., 1982.

130. Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород. — Памятники литературы древней Руси. М., 1982, с. 404—409.
131. *Песков А. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М.* К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы. — «Советская археология», 1982, № 3, с. 35—46.
132. *Смирнова Э. С., Лаурина В. К.* и *Гордиенко Э. А.* Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982.
133. *Андреев В. Ф.* Северный страж Руси. Очерки истории средневекового Новгорода. Л., 1983.
134. Древнерусское искусство. Рукописная книга. Вып. 3, М., 1983.
135. *Лихачев Д. С.* Земля родная. М., 1983.
136. *Никитин В. А.* Житие и труды святителя Евфимия, архиепископа Новгородского. — «Богословские труды», сб. 24, М., 1983, с. 260—306.
137. *Смирнова Э. С.* Миниатюры двух новгородских рукописей. — В кн.: «Древнерусское искусство. Рукописная книга». Сб. 3-й. М., 1983, с. 180—203.
138. *Розов Н. Н.* Несколько слов о библиотеке Новгородского Софийского собора. — Там же, с. 248—251.
139. *Звегинцева О. В.* Рукописные книги библиотеки Новгородского Софийского собора. — Там же, с. 252—266.
140. *Соловьев С. М.* Избранные труды. Записки. М., 1983.
141. *Янин В. Л.* Открытие древнего Новгорода. Наука раздвигает горизонты. — «Правда», 1983, 24 января.
142. *Гордиенко Э. А.* Большой иконостас Софийского собора (по письменным источникам). — В кн.: «Новгородский исторический сборник». Вып. 2-й (12-й). Л., 1984, с. 211—229.
143. Новгородский край. Материалы научной конференции «Новгород древний — Новгород социалистический. Археология, история, искусство». Сост. В. Ф. Андреев. Л., 1984.
144. *Прийма Ф. Я.* Тема «новгородской свободы» в русской литературе конца XVIII — начала XIX в. — В кн.: «На путях к романтизму». Сб. научных трудов. Л., 1984, с. 100—138.
145. *Рыбаков Б. А.* Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М., 1984.
146. *Шанский Д. Н.* Русский город периода феодализма (IX—XVIII вв.) во французской историографии XVIII—XIX вв. — В кн.: «Русский город. Исследования и материалы». Вып. 7. М., 1984, с. 89—106.
147. Новгород. Краткий очерк истории города. Л., 1985.
148. Повесть о новгородском белом клобуке. Послание Дмитрия Грека, толмача, Новгородскому архиепископу Геннадию [1484—1504]. — В кн.: «Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века». М., 1985, с. 196—233.
149. *Соболева Н. А.* Старинные гербы городов Российских. М., 1985.
150. Митрополит Ленинградский и Новгородский *Антоний* († 1986). Из истории новгородской иконографии. — «Богословские труды», сб. 27. М., 1986, с. 61—80.
151. *Борисов Н. С.* Русская Церковь в политической борьбе XIV—XV веков. М., 1986.
152. *Данилова Л. И.* Окно с затейливой резьбой. М., 1986 (с. 18—35: «Дом новгородского гостя»).
153. История Средних веков. Под ред. Н. Ф. Колесницкого. М., 1986.
154. *Тюрин В. В.* На земле Садко. Л., 1986.
155. *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). М., 1986.
156. *Янин В. Л.* Открывая книгу столетий. — «Известия», 1986, 13 сентября.
157. *Янин В. Л.* Археологические раскопки в Новгороде. — В кн.: «Сквозь века. К истокам культуры народов СССР». Вып. 1. М., 1986, с. 145—164.
158. *Иванов Валентин.* Златая цепь времен. Статьи, этюды, письма. М., 1987.
159. *Лившиц Л. Н.* Монументальная живопись древнего Новгорода XIV—XV веков. М., 1987.
160. *Порфиридов Н. Г.* Новгород. 1917—1941. Воспоминания. Л., 1987.